

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**ФИТИЛЬ ДЛЯ БОЧКИ
С ПОРОХОМ**

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Фитиль для бочки с
порохом (сборник)
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Черная кошка»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39139740

Фитиль для бочки с порохом / Николай Леонов, Алексей Макеев: Эксмо;

Москва; 2018

ISBN 978-5-04-097824-3

Аннотация

На военном складе произошел взрыв боеприпасов. Пострадали несколько военнослужащих. Полковнику МВД Гурову поручено на месте выяснить причины трагедии. Сыщик беседует с командованием части, но офицеры только валят вину друг на друга, стараясь уйти от ответственности. Гуров уже готов списать ЧП на обычное разгильдяйство, но в этот момент происходит событие, которое подсказывает оперу, что взрыв на складе – не несчастный случай, а запланированная акция хорошо налаженного преступного бизнеса.

Содержание

Фитиль для бочки с порохом	5
Глава 1	5
Глава 2	37
Глава 3	69
Глава 4	101
Глава 5	131
Конец ознакомительного фрагмента.	144

**Николай Леонов,
Алексей Макеев
Фитиль для бочки с
порохом (сборник)**

© Макеев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Фитиль для бочки с порохом

Глава 1

«...взрывами уничтожено несколько построек, есть жертвы среди военнослужащих. Грохот был слышен за несколько километров, а автомобилисты, проезжавшие по соседней трассе, видели огромный столб дыма».

Вернувшись домой после напряженного рабочего дня, полковник Гуров с удовольствием развалился на диване и включил телевизор. Поцелкав кнопками на пульте, он выбрал новостной канал и теперь, слушая хорошо поставленный голос диктора, любовался непрофессиональной видеосъемкой, на которой был запечатлен апокалипсис местного масштаба.

– Что там за взрывы опять? – войдя в комнату, поинтересовалась его жена Мария, актриса московского театра.

– Склад с боеприпасами взорвался. Здесь где-то, недалеко. В Подмосковье.

– Опять террористы?

– Нет, насколько я понял, взрывы начались самопроизвольно. Точнее, от перегрева. Рядом со складом горело что-то, вот огонь и переместился. Вот уж точно – ветром надуло. Погода-то, видишь какая.

– Да, май в этом году просто на редкость, – согласилась Мария. – И жара, и сушь. Ни капли дождя за весь месяц. Да еще этот ветер вдобавок.

– Вот именно. Пожароопасность высокая, а народ у нас... безмятежный. Склады-то, вообще-то, охранять полагается. Особенно если это склады с боеприпасами.

– А они что ж, не охраняли?

– Да я-то откуда знаю? Не охраняли, наверное, если заметили, только когда уже взрывы начались.

– Ладно, иди есть. Нечего всякую ерунду смотреть. То взрывы, то убийства. Как будто ничего больше не происходит в стране. Что тебе, на работе этого не хватает?

В целом полковник был с супругой согласен. Убийств и взрывов ему вполне хватало и на работе. Дополнять дневную «порцию» точно таким же «десертом» было не интересно.

Щелкнув кнопкой, он погасил экран и отправился на кухню, откуда давно уже доносились весьма аппетитные запахи...

Однако на следующее утро тема, озвученная в вечерних новостях, получила неожиданное продолжение.

Когда закончилось традиционное совещание и Гуров, в числе прочих коллег, уже собирался покинуть кабинет генерала Орлова, тот негромко произнес:

– Лев Иванович, задержись.

Зная по опыту, что такие «задержки» почти всегда влекут

за собой какое-нибудь «деликатное поручение», Гуров без особого энтузиазма вернулся и снова присел на стул.

– Да ты не туда, ты поближе ко мне садись, – сказал Орлов, видя, что полковник устроился на том же месте, где сидел во время планерки. – Как же мы на таком расстоянии сможем с тобой душевный разговор вести?

– А у нас будет душевный разговор? Не пугайте, товарищ генерал.

– Чего же тут страшного? – улыбнулся Орлов. – По-моему, чем душевнее, тем лучше.

– По-твоему – наверное. А по-моему, чем нежнее ты начинаешь «клеиться» со всякими душевностями, тем паршивее у тебя за пазухой камешек припрятан. Опыт, знаешь ли, подсказывает. Ну, признавайся, опять какой-нибудь «глухарь» непробиваемый для меня припас?

– Почему сразу «непробиваемый»? – немного конфузясь, как человек, застигнутый на месте преступления, ответил генерал. – Дельце, конечно... своеобразное, но уж точно не «глухарь». Скорее даже наоборот, все там на поверхности. И причины, и следствия – все очевидно.

– Так о чем тогда говорить? Если все очевидно, передавай его в суд, да и дело с концом. И не отвлекай занятых людей от работы.

– Нюансы там есть, Лева. На месте нужно разобраться.

– И где же оно, это счастливое место?

– Под Наро-Фоминском. Деревушка там есть, Сосновка

называется. В ней военная часть. А в военной части – чрезвычайное происшествие. Счастливого там не много, к сожалению, есть даже человеческие жертвы. Нужно разобраться. Возможно, все это – результат обычной халатности и разгильдяйства, а возможно, тут посерьезнее что-то скрывается.

– Под Наро-Фоминском? – переспросил Гуров, припоминая, что совсем недавно уже слышал где-то упоминание об этом городе. – Погоди-ка... Ты сказал – военная часть? Это не та, где на днях снаряды рвались? В новостях вчера передавали.

– Она самая, – подтвердил Орлов. – Ситуация вроде бы очевидная, и даже виновный там задержан, но... есть нюансы.

– Какие, например?

– Например, не совсем понятно поведение командного состава этого подразделения. Там недавно проходила утилизация, и склад, на котором начали самопроизвольно взрываться боеприпасы, собственно, должен был стоять пустым. Если я правильно понял, это было некое резервное хранилище, где патроны и гранаты лежали чуть ли не со сталинских времен. В какой-то момент командование решило, что площади используются нерационально и нужно все это старье уничтожить, а на склад завезти более современные виды снарядов.

– А что это, вообще, за подразделение? Серьезное что-то?

– Да нет, ничего глобального. К космическим войскам

точно не относится, – усмехнулся Орлов. – Срочников «дрессируют», обучают «азам», знакомят с основными видами вооружений. Ну и стрелять, разумеется, учат. Понемногу из всего. Собственно, эти склады и есть там самое «серьезное». В свое время это подразделение достаточно крупным было. Потом все урезали чуть ли не вполовину, и штатный состав, и техническое оснащение. Такого количества оружия, как раньше, там уже нет, но боеприпасы хранят. Складов там, как я понял, несколько, есть даже подземные. Но взрывы произошли в одном из тех, что стоят на земле.

– В том, который должен был быть пустым?

– Именно.

– Так как же получилось, что он оказался «полным»?

– А вот в этом и заключается нюанс. Есть подозрение, что такое удивительное несоответствие может быть связано со злоупотреблениями со стороны командного состава.

– И что же это за злоупотребления?

– Это тебе и предстоит выяснить. Сам знаешь, правила учета боеприпасов в воинских частях очень строгие, каждый патрон под личную роспись выдается. А тут целый склад невесть откуда возник, причем сразу же после того, как по документам он был утилизирован.

– Возродился из пепла, – усмехнулся Гуров.

– Не иначе. Вот ты и разберись с этим чудесным возрождением. Как оно могло случиться и какой «волшебник» здесь руку приложил.

– То есть моя задача – выяснить, откуда на формально пустом складе взялись боеприпасы. Я правильно понял?

– Совершенно правильно. Именно это и есть главная загадка. Ведь если бы склад и правда был пустым, как значилось в документах, там и взрываться нечему было бы, и всей этой истории не было бы, и человек бы не погиб. Видишь, какая цепочка... фатальная.

– А с чего вообще начало взрываться? – спросил Лев. – Ведь совсем уж ни с того ни с сего подобные вещи не случаются. Должна быть некая первопричина. В новостях упоминали про пожар. Там действительно что-то горело?

– Гореть-то оно горело, только совсем не там. С пожаром этим и смех и слезы, анекдот просто. Вокруг этой части – голая степь. Когда-то были сельскохозяйственные угодья, но потом хозяев не нашлось этим сельским хозяйством заниматься. Землю забросили, все бурьяном поросло. А в этом году, откуда ни возьмись, вдруг фермер объявился. Бойкий такой, из «новых». Со всеми договорился, все бумажки оформил, взял эти гектары в аренду. А там, как я уже говорил, природа буйствует, с налета пшеницей засеять не получится. Чистить «по правилу» тоже хлопотно, корчевать это все да выпалывать – на одной рабочей силе разоришься. Вот он и решил «дешево и сердито» все сделать.

– «Красного петуха» пустить?

– Его самого. Подпалил этот сухостой и радуется, глядя, как языком всю дрянь слизывает, чистая земелька остается,

хоть сейчас комбайн по ней пускай. А тут ветерок еще жару поддал, совсем веселуха пошла. С травы пламя переметнулось на деревья, там лесопосадка небольшая, типа маскирующего укрытия для военной части. А уж с деревьев перешло на этот якобы пустой склад. Он там на отшибе стоял как раз, в целях безопасности, чтобы в случае чрезвычайной ситуации люди не пострадали. Ну а лесок этот тут, рядышком. В общем, как специально подгадал кто-то.

– Да, интересно получилось. Ты говорил, что виновного задержали. Это того самого горе-фермера?

– Его, родимого. Только огонь – это ведь лишь одна сторона проблемы. Могу только повторить – если бы склад был пустым, никакого глобального ущерба пожар не нанес бы. Может, обгорело бы помещение, пришлось бы ремонт сделать, побелить-покрасить. Но хоронить точно бы никого не пришлось. А тут парень молодой погиб, срочник, да несколько человек с ожогами и ранениями госпитализировали. Это уж не шутки.

– Совсем не шутки, – согласился Гуров.

– Поэтому я и говорю: фермер – это само собой, но и военную братию как следует «отработать» нужно. Они там, может, «честь мундира» охранять будут, истории разные рассказывать, но с этой утилизацией нюансы явно имеются, и все это нужно прояснить, вывести на чистую воду.

– Да, история странная.

– Еще какая. Так что предлагаю тебе на выбор два вари-

анта. Могу оформить командировку на несколько дней, чтобы ты, так сказать, вплотную исключительно только этим делом занимался. А можешь параллельно с текущими исследованиями все это проворачивать. Смотри, как тебе удобнее. В общем-то, место это, как ты его назвал, «счастливое», не очень-то далеко, и ста километров не будет. Ты, наверное, за день иногда и побольше на спидометре накручиваешь. Но если не будет желания туда-сюда кататься, можешь у них погостить, проблем нет.

– Думаю, для начала нужно будет произвести там «разведку боем». Оценить обстановку, поговорить с людьми. А потом и решать, что лучше, «вплотную» или «параллельно» этим заниматься. Что там наро-фоминские товарищи говорят? Сами-то они имеют какие-то соображения по поводу происшедшего?

– Наро-фоминские товарищи активно занимаются фермером и, если я правильно понял, с командованием военной части предпочитают не ссориться. Они ребята простые, а там командиры важные, так что копать под них тем как-то неловко. А случай, прямо скажем, – из ряда вон. Поэтому наше уважаемое руководство решило подключить к расследованию человека «со стороны», причем такого, чтобы его полномочия были не меньше, чем важность тех командиров.

– То есть меня?

– Угадал. Вот я и говорю – нужно разобраться на месте. Приедешь, пообщаешься. Может, там сразу понятно будет

что к чему. Ну а если нет...

– Тогда уж деваться некуда, выпишешь мне командировку, – с улыбкой резюмировал Лев. – Местные-то в курсе, что к ним едет «человек с полномочиями»?

– Думаю, им уже сообщили. Мы ведь в данном случае в контакте с военным ведомством работаем. Под эгидой, так сказать. Поэтому вся информация, которая приходит мне, приходит и им. Мне уже даже звоночек был от бравых коллег. Ты, мол, если что, сразу сообщай, мы меры примем.

– Негодяя, запятнавшего честь мундира, подальше спрячем? – с сарказмом заметил Гуров.

– Может быть, и так.

– Тогда на особо рьяное содействие рассчитывать не приходится. Скорее мешать будут. «Честь мундира» – вопрос щекотливый.

– На месте будет виднее, Лева. Нужно съездить. В разведку, как ты сказал, или подольше задержаться – там уж сам поймешь. Я сегодня еще позвоню им дополнительно, скажу, что ты прибудешь, назову должность и звание, сориентирую, чтобы на содействие не скупились. А там уж...

– Разберусь, – лаконично произнес Гуров.

– Ну и добро. Действуй.

По дороге в свой кабинет Лев обдумывал новую задачу генерала. На сегодняшний день у него уже был составлен довольно плотный график, и теперь требовалось найти в этом графике брешь, достаточную, чтобы съездить в Наро-Фо-

минск и провести там хотя бы предварительные опросы.

«Банкира отложить? Или Митю Белого на завтра передвинуть? – размышлял он, выбирая между назначенной встречей с солидным бизнесменом и «шестеркой» из уголовного мира. – Нет, Митю нельзя. Он парень шустрый, смоемся куда-нибудь, в щелку залезет, как мышка, замучишься его потом оттуда выковыривать. Нет, Митю спускать с поводка нельзя. До завтра пускай подождет Модест Карлович».

Захватив из кабинета «рабочую» папку, где лежали формы для официальных протоколов, Гуров спустился к машине и поехал на встречу с Митей. Тот пообещал рассказать кое-что на протокол, и Лев торопился «ковать железо», пока шустрый парень не передумал.

Разговор с Митей действительно оказался довольно продуктивным, хотя и непродолжительным. Очень довольный результатами, Гуров перекусил шаурмой, купленной в ближайшем ларьке, и поехал в Наро-Фоминск.

Расстояние в сто километров, которое Орлов определил, как не очень далекое, довольно четко делилось на два неравных участка. Первый, проходящий по территории мегаполиса, характеризовался не такой уж большой протяженностью, но зато, благодаря постоянным задержкам на светофорах и в пробках, отнимал много времени. Второй, начинающийся за МКАД, был длиннее, но гораздо удобнее в плане движения. В целом на дорогу ушло около двух часов, и Лев не сомневался, что до конца рабочего дня вполне успеет произвести

ту самую «разведку боем», о которой говорил Орлову.

Он не планировал ехать сразу в военную часть. Пресловутая «честь мундира» почему-то не выходила у него из головы, и он не очень надеялся, что военные будут с ним откровенны. Прежде чем задавать пытливые вопросы командованию, следовало пообщаться с коллегами, которые выезжали на происшествие.

Кроме того, задержанный фермер «загорал» в изоляторе Наро-Фоминска, а не на гауптвахте в деревне Сосновке, и это было еще одной причиной для того, чтобы ехать сначала в город.

Прибыв на место, Гуров поехал напрямик в Управление внутренних дел и, представившись на проходной, сказал, что хочет встретиться с начальником.

Резко изменившееся выражение лица дежурного лучше всяких слов сообщило полковнику, что о его прибытии действительно все уже предупреждены. Поговорив с кем-то по внутренней связи, дежурный попросил немного подождать, пообещав, что сейчас его проводят.

Не прошло и пяти минут, как в вестибюле показался молодой мужчина в штатском и, очень серьезно взглянув на Гурова, произнес:

– Пройдемте со мной.

В кабинете на третьем этаже Гурова встретил человек приблизительно его возраста, с очень коротко остриженными седыми волосами.

– Присаживайтесь, – пригласил он после официального рукопожатия. – Генерал Орлов звонил мне лично по поводу вас. Просил оказать возможное содействие. Но мы и сами заинтересованы в том, чтобы как можно быстрее разобраться в ситуации. Мои люди работают, уже задержан подозреваемый. Признаюсь, я... мне не совсем понятно, по каким причинам кто-то решил, что нам здесь необходима помощь, но... Наверное, из Москвы виднее.

– Подозреваемый – это тот самый фермер, который устроил пожар? – уточнил Лев.

– Да, он. Ведь все случилось по его вине.

– В самом деле? Возможно, я что-то не так понял, но при ознакомлении с делом мне показалось, что здесь сыграли роль два роковых обстоятельства. Фермер – только одно из них.

– А какое же второе?

– Тот факт, что на складе оказались боеприпасы. Если не ошибаюсь, в этой военной части недавно проводилась утилизация. И «чистили» именно этот склад. Так как же получилось, что там снова оказались снаряды?

– А, вы об этом, – небрежно бросил собеседник, будто речь шла о каком-то совершенно незначительном пустяке. – Но ведь здесь нет ничего необычного. Командование части имеет полное право распоряжаться имеющимися там материальными активами, и им лучше знать, что хранить на своих складах. Одно изъяли, другое положили. В этой части

несколько хранилищ, и если командование по каким-то соображениям посчитало нужным переместить часть боеприпасов из одного в другое, это, на мой взгляд, вполне естественно.

Но Гуров имел другое мнение и был уверен, что «необычного» здесь более чем достаточно.

Схемы учета и расходования боеприпасов в воинских частях были ему хорошо известны, и он знал, какое это хлопотное дело – переместить оружие и боеприпасы из одного места в другое. Каждая единица вооружений всегда четко закреплена за определенным местом, и за нее несет ответственность определенный человек. Любые изменения в этой схеме требуют оформления множества документов, поэтому просто так «одно изъять, другое положить» не получится. Это целый процесс, длительный и хлопотный, чтобы начинать его, нужно иметь очень вескую причину.

В то же время в данном случае таких причин явно не было. Напротив, по словам Орлова, на освободившийся склад в скором времени должны были подвезти новую партию боеприпасов, поэтому даже простая житейская логика подсказывала, что в ожидании этого момента он должен стоять пустым.

Картина не складывалась, и явное пренебрежение собеседника к этому факту настораживало полковника.

– Что ж, может быть, – осторожно сказал он. – Вы упомянули, что ваши люди работают по этому делу. Могу я по-

говорить с кем-то, кто выезжал на происшествие? У вас, наверное, и без меня хватает дел, неудобно отнимать время. Да и с фермером этим я бы не отказался пообщаться. А навещать его в изоляторе, уж конечно, удобнее тому, кто его туда посадил. Выделите мне кого-нибудь из сотрудников и спокойно занимайтесь своими делами.

– Да, разумеется. Я тоже думаю, что вам гораздо удобнее будет работать в сотрудничестве с Артемом, а не со мной. Артем Панфилов, оперуполномоченный, который ведет это дело. Один из самых перспективных наших кадров. Хоть и молодой, но уже успел очень хорошо себя зарекомендовать. Да и по этому делу он тоже весьма продуктивно работает, так что сможет объяснить вам, что там к чему, гораздо лучше, чем я.

Собеседник Гурова выдал задание секретарше, и через несколько минут в кабинете появился действительно очень молодой, пышущий здоровьем парень. Рельефная мускулатура со всей очевидностью показывала, что данное от природы он не ленится приумножать регулярными тренировками.

– Вот и наш Артем, прошу любить и жаловать, – чуть улыбаясь, произнес хозяин кабинета. – Познакомься, это твой коллега из Москвы, Гуров Лев Иванович, – добавил он, обратившись к подкачанному парню. – Прибыл, чтобы проверить, как ты здесь работаешь, не отлыниваешь ли, не халтуришь ли.

– Да нет, совсем не за этим, – тоже улыбнувшись, возразил

Гуров. – Просто нужна информация по этому делу, и с твоей помощью, Артем, я очень надеюсь ее получить.

– Помогу, чем смогу, – открыто улыбнулся парень. – Пройдете ко мне в кабинет?

Вопрос был обращен к Гурову, но, произнося эти слова, Артем бросил вопросительный взгляд на своего непосредственного начальника. По-видимому, он хотел, чтобы его сориентировали, как правильнее будет поступить с неожиданно свалившимся на голову «коллегой из Москвы».

– А может, мы сразу проедем в изолятор? – в свою очередь, предложил Лев. – По дороге и поговорим. Я бы хотел пообщаться с этим поджигателем. Думаю, это займет время, а мне еще возвращаться в Москву. Остаться с ночевкой я не планировал.

Ему показалось, что последние слова чрезвычайно вдохновили седовласого хозяина кабинета.

– Да, действительно, такой план позволит вам существенно сэкономить время, – оживленно заговорил тот. – Я дам машину, Артем, можешь не беспокоиться, что тебе придется тратить бензин.

Наблюдая за этой реакцией, Гуров смог лишний раз убедиться, что «нюансы», о которых упоминал Орлов, в этом деле действительно имеются.

«Похоже, товарищу генералу и правда придется подписывать мне командировку», – с легкой усмешкой подумал он.

Через десять минут обещанная машина ждала у подъезда,

и, сопровождаемые самыми теплыми напутствиями и пожеланиями, Гуров и Артем покинули кабинет.

Понимая, что в машине будет шофер и поговорить без свидетелей не получится, Лев хотел обсудить наиболее «пикантный» вопрос этого дела до того, как они окажутся в салоне, поэтому, не тратя даром времени, сразу перешел к сути.

– Так, значит, весь этот переполох устроил фермер? – спросил он, неспешно шагая по коридору.

– Да, его быстро установили, – ответил Артем. – Он там несколько гектаров выжег, все доказывал потом, что по-другому никак нельзя было очистить эту землю.

– А ты его на психическую адекватность проверял?

Это ж надо было до такого додуматься – бесконтрольное пламя по сухой траве пустить. В такую-то погоду.

– Да нет, вообще-то так делают, – нерешительно возразил Артем. – Только, прежде чем поджигать, по периметру поля проводят вспаханную полосу. Там гореть уже нечему, и пламя, даже если и сильно разойдется, дальше этой полосы не пойдет.

– А этот полосу не сделал?

– Нет. На удачный ландшафт понадеялся. Там с двух сторон тоже поля, угодья сельскохозяйственные. Они давно уж вспаханы и засеяны, соответственно, в плане пожарной безопасности вполне надежны. С третьей стороны трасса проходит, а вдоль нее по самому этому полю еще грунтовая доро-

га и кювет. Канавка глубокая. То есть туда тоже огонь не пошел бы. Ну а с четвертой оказалась эта самая военная часть. Она за лесопосадкой скрыта, и колючая проволока там еще, ограждение. Но это для людей преграда, а огню не помеха.

– Ты хочешь сказать, что в этом месте его покрытое сухой травой поле упиралось в древесные заросли, и он посчитал, что это – «удачный ландшафт»? – вскинув брови от изумления, спросил Гуров.

– Нет, там не совсем так, – терпеливо объяснял Артем. – Между полем и посадкой там тоже идет грунтовка, она укатана насмерть, там даже былинки нет. И он, по-видимому, посчитал, что эта дорога – вполне надежная защита для растущих рядом деревьев. Подумал, что пламя через нее не перескочит.

– Так же, как через вспаханную полосу?

– Вроде того. Но, по-видимому, огонь там у него разошелся не на шутку, а погода, как вы верно заметили, сейчас сухая и жаркая, да еще ветерок в тот день дул. Как раз в «нужном» направлении. В результате вся эта совокупность факторов привела к такому вот... исходу.

– Да, но ты позабыл еще один фактор.

– Какой? – совершенно искренне удивился Артем, по-видимому, твердо уверенный, что «неучтенки» у него нет.

– Сам склад. Ведь он на тот момент должен был быть пустым. Откуда там взялось оружие?

– Да, это вопрос, – тяжело вздохнул парень.

– Вопрос, – согласился Гуров. – И нужно его прояснить. Ты в части проводил допросы?

– Проводил, – как-то без энтузиазма ответил оперуполномоченный.

– И что там говорят? Откуда на складе взялись снаряды?

– Говорят, что на время перенесли из другого склада. В связи с внутренней необходимостью.

– И все? А документы? Перемещение должно быть в документах зафиксировано.

– Да, я знаю. Только документы смотреть они не дают, говорят, что это закрытая информация. Связано с государственной безопасностью.

– Военная тайна?

– Типа того, – невесело усмехнулся Артем.

– Понятно.

Майское солнце заливало все вокруг ярким праздничным светом, недавно проснувшаяся от зимней спячки природа радовала глаз свежей зеленью незапыленной листвы, но, выйдя на свежий воздух, Лев даже не взглянул на это роскошное великолепие.

Нахмутив брови, он шел следом за Артемом к машине и, невидящим взором уставившись ему в затылок, анализировал только что полученную информацию. Нежелание командиров части подтвердить свои слова документами снова всколыхнуло подозрения.

С одной стороны, «отмазка» вроде бы была вполне закон-

ная, количество и виды вооружений, имеющихся в воинских частях, это действительно не та информация, которую можно публиковать в газетах. А с другой – и обратился за этой информацией вроде не журналист, а представитель вполне официальной и солидной организации.

«Разве что действительно статус этот парня не таков, чтобы всей подноготной с ним делиться, – думал Гуров, исподволь оглядывая ладную фигуру Артема. – Может, именно потому и назначили его на это дело, такого молодого, но «уже успевшего очень хорошо себя зарекомендовать». На старте предполагаемой удачной карьеры ссориться он ни с кем не захочет и «совать нос» куда не надо, скорее всего, побоится. А значит, расследование досадного инцидента пойдет «как надо», и честь мундира пребудет в полной неприкосновенности. Ну ничего, мы это поправим. Моя-то карьера уже состоялась, да и статус вполне подходящий. Самый такой, чтобы совать нос. А значит, все исходные данные для того, чтобы вывести этих парней на чистую воду, как говорит Орлов, имеются».

Тем временем они дошли до черного «Форда», за рулем которого сидел мужчина лет сорока.

– Прошу, – сказал Артем, предупредительно открыв для Гурова заднюю дверь.

«Сопровождают просто по-королевски», – мысленно усмехнулся Лев.

Устроившись на сиденье, он больше не спрашивал про до-

просы в военной части, а целиком сосредоточился на незадачливом фермере.

– Так, значит, этот сельскохозяйственный деятель понадеялся на ландшафт? – будто продолжая прерванный разговор, задал он вопрос.

– Да, решил, что опасности нет.

– А когда понял, что есть, даже предпринять ничего не попытался?

– А там уже поздно было что-то предпринимать, когда он понял. Они даже пожарных не сразу вызвали. Состояние шока, полная протрация. Пока в себя пришли, пока сообразили, что делать нужно... Как увидели, что лес занялся, просто рассудок, бедные, потеряли.

– А много там с этим фермером было народу?

– Восемь человек. Чтобы сухостой подпалить, много народу не нужно, а насчет безопасности они, по-видимому, не сомневались.

– Да, дурное дело нехитрое, много народу здесь точно не нужно, – усмехнувшись, согласился Гуров. – Задержали только фермера?

– Только его. Остальные под подпиской.

– Что ж, значит, веди меня к фермеру, – проговорил Лев, увидев, что машина подъезжает к мрачноватому не вид зданию с прикрепленной возле дверей табличкой.

«Форд» заметно сбавил скорость, и водитель, за все время пути не сказавший ни слова, заглушил двигатель.

С первых же шагов в изоляторе Гуров понял, что здесь о его прибытии тоже знали заранее. Подчеркнутая вежливость и предупредительность в обращении, а также беспримерная скорость в исполнении любых его пожеланий навели полковника на мысль, что к его приезду хорошо подготовились, и надеяться узнать здесь что-то по-настоящему интересное не стоит.

Наверняка показания фермера уже прошли проверку на всех возможных «детекторах», и похвальная расторопность, с которой Гурову устроили с ним встречу, могла говорить только об одном: на военную часть эти показания не бросают ни малейшей тени. Скорее, даже наоборот, действия фермера военных выгораживают и ставят в положение жертв. Ведь это не они поджигали злосчастную траву.

Лев не сомневался, что именно поэтому ему так охотно и предупредительно создают все условия для того, чтобы он мог всласть наговориться с горе-фермером.

Его с почетом проводили в комнату для допросов, и через несколько минут там же появился «главный подозреваемый».

Долговязый довольно молодой мужчина неловко прикорнул на краешке стула и затравленно глянул на Гурова.

– Сизов Антон Петрович, – кладя на стол перед Гуровым дело, представил его Артем. – Я вам, наверное, не нужен?

– Нет, Артем, отдохни пока. Погуляй с полчаса, думаю, долго мы тут не задержимся.

Легким кивком выразив свое согласие и понимание ситуации, молодой коллега направился к двери.

– Значит, Сизов Антон Петрович? – начал Лев после того, как Артем вышел. – Приятно познакомиться. Как же угораздило вас, гражданин Сизов, так некстати угодить в СИЗО?

– Не знаю... я... это не специально. Я не думал, что... так получится, – пробормотал несчастный арестант, похоже, еще не успевший прийти в себя от случившегося.

– Вы знали, что по соседству с арендованными вами угодьями находится военная часть?

– Да, знал. Но там расстояние большое. Лес и еще дорога. Широченная. Я не думал... Я специально ездил, все там осматривал. Именно с целью пожарной безопасности.

– И что, выяснили, что все вполне безопасно?

– Абсолютно! По бокам поля распаханые, спереди шоссе, сзади... там тоже нормально было. Дорога широкая, расстояние...

– Вы давно работаете в сельскохозяйственной отрасли?

– Нет, я... недавно. Впервые, можно сказать. Друзья посоветовали, сказали, что выгодно кормовые травы сажать. За ними ухода – ноль, а сбыт всегда есть. У меня оптовик один знакомый торгует этой дрянью... ну, в смысле – кормами. Ты, говорит, начни только, а там оно само пойдет. Канал сбыта у тебя есть, это главное. А уж распахать и семян кинуть, на это много ума не надо. Ну я справки навел, с людьми посоветовался, смотрю – и правда, ничего здесь такого супер-слож-

ного нет. Даже капиталовложений особых не требуется. Технику и людей нанять можно, поля в аренду снять. А больше ничего и не нужно. Даже склады не нужны, потому что у Семена свои есть.

– Семен, это человек, который дал вам этот дельный совет?

– Да, он. В общем-то, совет действительно неплохой. Я посчитал, все затраты оправдываются. Да и хлопот не так уж много. Единственное – с арендой с этой. Много бумажек оформлять пришлось. Да и проплатился. Но это ведь всего один раз. А в целом... в целом выгодное дело... должно было быть.

– Должно было, – согласился Гуров. – Только почему-то не стало оно выгодным, это дело. Кстати, вот эти нанятые люди, про которых вы упоминали, они не могли проконсультировать вас по поводу каких-то более безопасных способов очистки арендованной земли?

– Безопасных? Ну... как вам сказать. Если бригаду нанимать и заставлять их все корчевать вручную, это, конечно, будет самое безопасное. Но сколько это времени займет? А я и так уже с оформлением все сроки по посевной пропустил. Да и по деньгам... В общем, я у них спрашивал не про самый безопасный, а про самый быстрый способ. Они и посоветовали. Мужичок там один... опытный. Трава, говорит, она моментально займется, а с ней и поросль, какая есть, тоже вся прогорит. Хоть в тот же день распахивать да засеивать

можно будет. Вот я и... послушал.

– Да, дешево и сердито, – вспомнил Лев слова Орлова.

– Но вы не думайте, я насчет безопасности тоже позаботился, – в очередной раз заверил Сизов. – Все там обсмотрел, проверил. Специально ездил.

– Да, я понял. Вы обнаружили, что поле от лесопосадки отделяет дорога, и посчитали это вполне достаточной гарантией того, что огонь дальше не пойдет.

– Именно! – с энтузиазмом подхватил Сизов. – Там дорога знаете какая? Широченная! Гладкая, как стекло. Ни былинки, ни травинки на ней. Гарантия – просто стопроцентная. Огонь в жизни бы не перешел.

– Но тем не менее он почему-то перешел, – напомнил Гуров.

– Да, это... это все из-за ветра, – сразу сник Сизов. – Кто ж его знал... Это ж вообще не опасно было. Если б не ветер... Кто ж его знал, что он именно в этот момент подует.

– Вы хотите сказать, что пламя переметнулось через дорогу и накрыло лесопосадку только из-за того, что не вовремя подул ветер? Если бы не этот природный фактор, то ничего бы и не было? Огонь не перешел бы за пределы поля?

– Конечно! – с чувством воскликнул Сизов. – В жизни бы не перешел! Там знаете какая дорога...

Слушая эти эмоциональные возгласы, Гуров понял, что, каковы бы ни были печальные последствия необдуманых действий фермера, обвинять его в преднамеренности и

утверждать, что все произошедшее было заранее спланированной диверсией, по-видимому, не стоит. Сизов был явно обескуражен случившимся и, похоже, переживал не столько о том, что оказался в изоляторе, сколько о том, что по его вине пострадали люди.

«Ясно одно – взрыв, как таковой, произошел действительно спонтанно, – думал он. – Если и были какие-то нюансы с этими боеприпасами, неожиданно оказавшимися на «пустом» складе, то уничтожить их, тем более таким образом, точно никто не планировал. Ни этот горе-фермер, ни тем более военные, ни сном ни духом не знавшие о готовящемся сюрпризе. Может, даже и «нюансов» никаких не было, ни с боеприпасами, ни с военными, ни с «честью мундира». Может быть, нет во всей этой истории никакого «второго дна», снаряды действительно переложили из одного склада в другой на время, а документы, подтверждающие это, не показывают исключительно из соображений «военной тайны». Вполне, в общем-то, понятных и отчасти даже оправданных. Я вот тут изошряюсь, всякие домыслы строю, а по прибытии в часть меня, возможно, точно так же, как и здесь, встретят с распростертыми объятиями и всю подноготную как на ладони выложат».

Но инстинкт опытного сыщика не дремал, и, мысленно отчитывая себя за чрезмерную подозрительность, Гуров чувствовал, что об осторожности забывать рано. В его распоряжении сейчас имелись только устные показания, а при рас-

следовании преступлений полностью полагаться на слова человека нельзя, это правило он давно запомнил наизусть, как таблицу умножения. Как знать, может быть, эта «широченная» дорога существовала лишь в воображении Сизова, а в действительности ширина ее была не так уж велика, и разгоревшееся пламя вполне могло перейти на лесопосадку без помощи ветра.

Решив начать визит в военную часть с тщательного осмотра местности, Лев вызвал охрану и велел увести задержанного. То, что его интересовало, он выяснил. В действиях фермера не было даже намека на желание нанести какой бы то ни было вред вооруженным силам страны, и главная причина произошедшего с его стороны состояла лишь в неопытности и легкомыслии.

Теперь предстояло выяснить, чем была обусловлена эта причина со стороны военных.

– Послушай, Артем, – спросил Гуров, выходя вместе с Панфиловым из изолятора, – а что там за боеприпасы были на этом складе? Серьезное что-то?

– Да нет, не особенно. Патроны в основном. Гранаты. Там разворотило, конечно, все, но все-таки экспертам удалось кое-какие «останки» идентифицировать. Работа еще в процессе, окончательного заключения пока нет.

– В новостях говорили, что дым был, как от ядерного взрыва, – лукаво прищурившись, заметил Лев.

– Да нет, для ядерного там мощности точно не хватило

бы, – улыбнулся Артем. – Если бы действительно что-то серьезное было, от этого склада только мокрое место осталось бы. В смысле – воронка. А там только стены разнесло. Фактически, можно сказать, здание разрушено, и все. По соседству ничего не задело.

– А что там у них по соседству?

– Насколько я понял – еще один склад, – ответил Артем. – Я ведь говорил вам, они информацией делиться не очень склонны. Почти все сведения окольными путями пришлось добывать.

– Как это?

– Когда как. Где с ребятами поговоришь, где сам надлежащий вывод сделаешь.

– С какими ребятами?

– С солдатами, срочниками. Они попроще, чем все эти начальники, с ними легче контакт найти.

– А от начальников им потом не доставалось за этот «контакт»? – усмехнувшись, поинтересовался Гуров.

– Ни в коем случае, – заверил Артем. – Мы ведь не просто так, мы «по-умному» все делали. Осторожно, келейно. Без третьих лиц и ненужных ушей, так сказать.

– Что ж, это правильно. Так, значит, солдатики говорят, что рядом с этим складом еще один был?

– Да, именно. Там-то как раз было кое-что очень серьезное. Снаряды для артиллерии, противопехотные мины и прочее в таком духе. Вот если бы этот склад рванул, тут уж

точно и до ядерного взрыва недалеко было бы.

– Снаряды для артиллерии? – нахмурил брови Лев. – Нормально. То есть если бы этот пожар... послушай, Артем, а что там с жертвами? Этот парень, которого убило... как это произошло?

– Эту тему они опять же объясняют очень невнятно. Командование вообще ничего толком не говорит, дескать, их там не было, они и знать не могут. А так называемые «очевидцы», похоже, заранее были проинструктированы, и из них тоже каждое слово пришлось клещами тянуть. Если в двух словах резюмировать, то основная версия – ударная волна и удар как таковой. Там же периодически рвалось. Так вот, они говорят, что этот парень при очередном взрыве очень неосторожно рядом оказался, и его шибануло здоровенным куском стены. Тот отлетел и попал бедолаге в голову. Удар пришелся в висок, а это, как известно, очень уязвимое место в человеческом организме. Плюс сама по себе ударная волна. Вот так и получилось.

– Да, печально. А чего ж он делал-то там, рядом? Не понимал, чем чревата ситуация?

– По этому поводу большие разночтения. Сами ребята говорят, что их командиры послали пожар тушить, а командиры, в свою очередь, утверждают, что, наоборот, всеми возможными способами старались неразумных военнослужащих как можно дальше от опасного места увести, а они, непутевые, сами под взрывы лезли.

– Вон оно как. Что ж, в целом логично. Ведь если командиры скажут все как есть, получится, что они в смерти человека виноваты. А с другой стороны, если бы там эта артиллерия рванула, мало уж точно никому не показалось бы.

– Куда ни кинь – всюду клин, – философски заметил Артем. – Получается, что парень ценой своей жизни предотвратил масштабные разрушения. А может быть, и новые жертвы.

– Да, получается... – кивнул Гуров и, уже подходя к машине, уточнил: – О том, что на втором складе артиллерийские снаряды, ты тоже узнал от солдатиков?

– Да, от них. Если бы не они, я, наверное, вообще бы ничего не узнал.

Вновь устроившись на заднем сиденье, Лев поинтересовался, в каком состоянии находятся потерпевшие и можно ли с ними поговорить.

– Раз уж мы сейчас на машине, может, по пути заедем в больницу? – предложил он.

– Это не по пути, – впервые за все время подал голос водитель.

– В самом деле? Как жаль. Но говорят, что для друга семь верст не околица. Главное, чтобы нам там были рады, а уж добраться как-нибудь сумеем. Ты уже общался с ранеными, Артем?

– Да, в больнице я был. Разговаривать с ними разрешают, но особого смысла в этих разговорах, по-моему, нет. Они

видели то же, что и другие, а возможно, даже и меньше.

Они ведь были в самом, так сказать, эпицентре, им, собственно, не до наблюдений было, целыми бы остаться. Поэтому я их особенно не мучил, снял формальные показания, и все. Пускай спокойно выздоравливают.

– А формальные показания дали что-то интересное?

– Практически нет. Вообще, все срочники в разных вариантах повторяют приблизительно одну и ту же версию, поэтому я решил, что правильнее сосредоточиться на здоровых.

Пока Артем говорил, Гуров внимательно смотрел в зеркало заднего вида, где отражалось лицо водителя, и с большим интересом следил, как менялось выражение этого лица от настороженно-напряженного в тот момент, когда он упомянул о больнице, до удовлетворенно-спокойного, когда Артем сказал, что там ничего интересного нет.

Эта красноречивая мимика только лишней раз доказывала, что его персону ни на миг не оставляют без дружественной опеки.

«Ладно, больница пускай подождет, – подумал он. – Съезжу туда в какой-нибудь более подходящий момент, когда меня не будут так плотно «пасти» сопровождающие».

– Что ж, если версия у всех одна, наверное, и правда незачем ехать в больницу, – вслух произнес Лев. – Действительно, зачем мучить ребят? Им и так досталось. Подбросьте меня до управления, и будем считать, что на этом наш первый

совместный рабочий день закончен.

Невыразимое чувство облегчения, отразившееся на лице водителя, яснее всяких слов подсказало ему, что именно этой волшебной фразы тот ждал с того самого момента, как Гуров и Артем сели в его машину.

По дороге Лев поинтересовался у молодого коллеги, сможет ли тот переслать ему файл с делом или протоколы у него только на бумаге.

– Нет, почему, – ответил Артем, – я, наоборот, стараюсь как можно быстрее все в комп забивать. Так и работать удобнее, да и для отчетности оно лучше. Сейчас ведь все документы в основном в цифровом виде идут.

– Вот и отлично. Тогда скинь мне на почту, не сочти за труд. А то там в СИЗО у нас с этим парнем такой увлекательный разговор был, что папку, которую ты оставил, я даже открыть не успел. Сейчас эсэмэску с адресом тебе скину, она у меня тут как дежурная, для экстренных случаев. Пришлешь мне, я на досуге вечерком почитаю.

– Хорошо, Лев Иванович, я перешлю, – пообещал Артем.

Соблюдая вежливость, Гуров, прежде чем уехать, поднялся в высокий кабинет, чтобы попрощаться с сановитым коллегой.

– Выяснили все, что хотели? – бросил на полковника пронзительный взгляд хозяин кабинета, словно стремясь прочесть его мысли.

– Нет, ну что вы! Как можно за полдня разобраться с та-

ким сложным делом.

– Значит, еще приедете к нам?

– Обязательно.

– Что ж, будем ждать.

Глава 2

Выезжая из Наро-Фоминска, Гуров уже точно знал, что не заставит ждать своего возвращения слишком долго. Предпринятая им «разведка боем» со всей очевидностью показала, что дело о взрывах в военной части требует самого пристального внимания.

Поэтому, газуя на трассе, он не сомневался, что снова окажется здесь не далее чем завтра утром.

Проезжая по пустынному вечернему шоссе, Лев размышлял о возможных причинах той напряженности, которую он чувствовал в общении практически со всеми, а также о том, насколько глобальными могут оказаться «провинности» командиров части, так упорно не желавших делиться информацией.

«По большому счету, вариантов, собственно, два: либо они боятся ответственности за смерть срочника, либо не хотят раскрывать некие внутренние «маневры» с боеприпасами. Что это может быть? Финансовые махинации? Вряд ли. Из всего имущества, которое находится на балансе военных частей, боеприпасы – последнее, на чем можно «погреть руки». Там и контроль усиленный, да и поставляются они, так сказать, на безвозмездной основе. Подразделения ведь не покупают оружие на «свободном рынке». Такие сделки может проводить только государство. А следовательно, если и есть

здесь махинации, то проводятся они на гораздо более высоком уровне, чем уровень командования части. Нет, махинации – не вариант. Тогда что? Сама эта утилизация? Ребята хотели продать на сторону формально списанные и уничтоженные патроны? Хм. Это, пожалуй, возможно. Только – кому? Покупателей для подобных «товаров» не найдешь в розничном магазине. Чтобы успешно сбывать подобные вещи, нужно иметь постоянные и довольно специфичные контакты, а утилизация не проводится каждый день. На один раз они найдут, что продать, а на следующие? Как-то несерьезно получается».

Домой Гуров приехал уже поздним вечером, но, несмотря на это, решил позвонить Орлову. Дело не терпело отлагательств.

– Добрый вечер, Петр, извини, что беспокою в неурочное время.

– Что-то экстренное по Наро-Фоминску? – сразу догадался старый друг.

– Особенно «экстренного» я там пока не обнаружил, но в целом дельце, кажется, многообещающее. Похоже, все-таки придется тебе подписывать командировку.

– Не вопрос. Завтра утром и подпишем.

– Ты оформи, а уж подпишем, как получится. Завтра утром я, скорее всего, в управлении появиться не смогу. Поэтому, собственно, и звоню. Хочу завтра в эту военную часть подъехать прямо к началу трудового армейского дня. Думаю,

так рано меня там не ждут, поэтому...

– ...поэтому и подъедешь, – усмехнувшись, закончил мысль генерал.

– Да, наверное, так. Но, чтобы не выглядеть невежливыми, коллег мы должны все-таки предупредить.

– Само собой.

– Правда? Ты тоже так думаешь? Рад, что у нас с тобой такое трогательное взаимопонимание. Ну, раз согласен, тогда тебе и карты в руки. Позвони им завтра, скажи, что я прибуду, что нужно обеспечить мне всяческое содействие и какое-то помещение для временного проживания. В общем, как обычно. Только будет одна дополнительная просьба.

– Слушаю.

– Этот «предупредительный» звонок ты должен сделать не когда захочешь, а только после того, как я сам позвоню тебе и скажу, что пора.

– К чему такие сложности? – удивился Орлов.

– Не хочу, чтобы они успели подготовиться. Я уехал вечером, ранним утром они меня точно не ждут, а значит, как раз утром и нужно туда ехать. Хочу первым делом переговорить с командиром части, а уж дальше как получится. Если там имели место какие-то махинации, мимо него не могло пройти. Врать начнет по-любому, но одно дело – ложь, заранее подготовленная и продуманная, а другое – неожиданная и спонтанная.

– Думаешь, может о чем-то проговориться?

– Проговориться или как-то иначе выдать себя. Если, конечно, есть что выдавать. Кто их знает, может, там и правда все по-пионерски честно и «неучтенные» боеприпасы действительно оказались на этом складе потому, что их на время перенесли туда с другого.

– Это так военные объясняют?

– Да, военные. И вместе с ними – опер, у которого это дело в разработке. Пацан зеленый совсем. Думаю, специально такого назначили.

– Чтобы куда не надо любопытный нос не совал?

– Именно. Они ему эту ценную информацию о временном перемещении боеприпасов исключительно в устном виде выдали, как я понял. Ни документы проверить не дают, ни сами официальные показания не подписывают. Верь на слово, говорят, мы военные, мы не обманываем.

– Ясно. Что ж, выходит, я был прав, чтобы докопаться до истины в этом деле, нужен человек с более серьезными полномочиями, чем рядовой «зеленый» опер.

– Видимо, да. Вот этим я и займусь прямо завтра. А ты не забудь о моей просьбе и командировочные вовремя перечисли.

– Сделаю, шеф, – усмехнулся генерал. – Ты и сам не забывай отзваниваться, докладывать, как дело идет. Мы тут не одни, я ведь уже говорил тебе. Меня тоже доставать будут всякими вопросами пытливыми, можно даже не сомневаться.

– Само собой. Если там не все так просто, как они хотят нас уверить, я думаю, тебя не только вопросами, тебя еще и жалобами достанут.

– Это нам не впервой. Прорвемся.

Переговорив с начальником, Гуров решил проверить электронную почту. Он дал Панфилову адрес не рабочего, а личного ящика, намереваясь просмотреть дело по прибытии домой.

Выйдя в Интернет, Лев действительно обнаружил одно входящее письмо, но не успел углубиться в чтение документов, как в комнату вошла Мария.

– Так ты ужинать будешь сегодня, или отложим до завтрака? – недовольным тоном поинтересовалась она.

– Да, сейчас, – небрежно бросил Гуров, но не тут-то было.

– Не сейчас, а сейчас же, – тоном, не допускающим возражений, произнесла строгая супруга. – Посмотри на часы. Уже спать пора ложиться, а ты даже за стол не сел.

– Я на сытый желудок плохо соображаю, – предъявил последний аргумент Лев. – А мне нужно еще кое-какие бумаги просмотреть.

– Бумаги просматривать в рабочее время нужно, – логично возразила жена. – А оно уже давно закончилось. Так что мой руки и живо за стол. Иначе действительно до утра отложу. Если уж так твердо решил на диету сесть, тогда...

– На какую еще диету? Я разве говорил что-то про диету? Ничего подобного. Вот еще новости. Мужик вкалывал целый

день, а ему тут про диеты какую-то хрень на уши вешают, – улыбнулся он и, закрыв файл, направился в кухню.

После сытного ужина сразу потянуло в сон, но Лев мужественно вернулся к компьютеру и продолжил изучать дело о взрывах в военной части.

Сенсационных открытий это изучение не принесло. Большая часть информации, изложенной в документах, которые переслал ему Артем, была уже известна. Описание местности, более подробный допрос фермера и протоколы опроса еще нескольких человек, которые находились вместе с ним в поле, – вот то, что на данный момент составляло основную часть материалов.

В отличие от детального изложения обстоятельств, касающихся фермера Сизова, в отношении военных данные отличались удивительной лаконичностью. Несколько фотографий разрушенного склада, устное описание – вот практически и весь «улов», который молодому оперу удалось получить в военной части. Протоколы допросов отсутствовали, и Гуров невольно подумал, что, уверяя Орлова, что информацию Артему выдавали «исключительно в устном виде», он угадал на удивление точно.

Хотя, с другой стороны, для дела, открытого буквально накануне, и этого было уже немало.

– Послушай, Маша, – оторвавшись от компьютера, позвал он. – Мне уехать нужно будет на пару дней. Собери там... чего-нибудь. Костюм спортивный, носки. Что ты там обычно

мне кладешь?

– Уехать? Когда? – входя в комнату, с удивлением спросила Мария.

– Завтра.

– Завтра?! Ну, здрасте! А попозже ты не мог сказать?

– Извини, забыл. Дело очень интересное, увлекся.

– Ну да, конечно. Кроме дел у нас в жизни больше ничего интересного нет. Еще бы в три часа ночи сказал. Я уже спать собиралась, а тут...

Продолжая ворчать, Мария достала спортивную сумку, которую муж обычно брал с собой в командировки, и стала собирать в нее вещи.

Когда все было готово, Лев добавил к прочим предметам первой необходимости упаковку патронов и пистолет, который не брал с собой в первую поездку.

На следующее утро Гуров выехал из дома ни свет ни заря.

Он помнил свое намерение осмотреться на местности, прежде чем приступать к допросам, но и сами допросы откладывать ему не хотелось. Поэтому, чтобы успеть в часть к восьми утра, на полях незадачливого фермера нужно было оказаться не позже семи.

Лев рассчитывал, что рано утром на дорогах не будет такого плотного движения, как в середине дня, и путешествие займет гораздо меньше двух часов, которые он потратил на эту поездку вчера.

Расчеты эти оправдались лишь отчасти. С учетом того, что деревня Сосновка располагалась на довольно значительном расстоянии от Наро-Фоминска, дорога заняла полтора часа. Перед поездкой он тщательно изучил карту и теперь, свернув с трассы, уверенно прибавил газу. Военный городок находился на окраине деревни, а фермерские поля, которые сейчас интересовали полковника, и того дальше.

Гуров хотел убедиться воочию, действительно ли можно доверять словам фермера о том, что в безветренную погоду пламя не перешло бы с его полей на армейскую лесопосадку. Для этого нужно было осмотреть сами поля, поэтому, не заезжая в деревню, он обогнул ее по касательной, направляясь в сторону военной части.

Вскоре вдалеке показалась массивная железобетонная ограда, и Лев понял, что за ней расположено то самое подразделение, где совсем недавно произошли столь чрезвычайные события. По обеим сторонам дороги, по которой он сейчас ехал, простирались бескрайние поля и, учитывая близость военной части, где-то здесь должно находиться и поле фермера Сизова.

Сбросив газ, Гуров свернул влево, на первую же прилегающую грунтовую дорогу, и, не теряя из вида фундаментальный забор, поехал вдоль пашни.

Вскоре пейзаж изменился. Если слева от него все так же шли бескрайние свободные пространства, то справа все чаще попадались деревья, которые очень скоро перешли в до-

статочно густой лиственный лесок. Бетонная ограда тоже претерпела изменения, превратившись в замысловатые геометрические узоры из ключей проволоки. За деревьями эта проволока была почти незаметна, но Лев не боялся потерять-ся. Было совершенно очевидно, что лесопосадка, вдоль которой он сейчас движется, – это именно то самое насаждение, которое призвано маскировать военную часть, и пока она рядом – подразделение тоже никуда не денется.

Проехав несколько километров вдоль лесополосы, Гуров увидел, что черные пашни с левой стороны сменились еще более черной выжженной степью, и понял, что прибыл на место. Ощутимый запах гари дополнительно подтверждал правильность этого вывода.

Вскоре в лесопосадке справа возникла внушительная брешь. Черневшие по ее краям остовы деревьев со всей очевидностью показывали, что было причиной ее образования.

Лев заглушил двигатель и вышел из машины. По-видимому, дорога и была той самой «широченной» магистралью, которую фермер Сизов считал надежной защитой от любых неожиданностей. Но, осматривая ее, он пришел к несколько иному заключению.

Одноколейка, где едва-едва хватало места для одной машины, и, чтобы разъехаться встречным, неминуемо нужно было заехать на пашню, навряд ли была таким уж непреодолимым препятствием для огня. В лесопосадке кроме деревьев, растущих достаточно густо, наблюдалось еще и буйство

трав. Там, где трава не выгорела, она свободно склонялась на дорогу, и если нечто подобное наблюдалось и со стороны неухоженного поля, расхолодившаяся пламя вполне могло перескочить через эту «широтенную» дорогу и без помощи ветра. А уж если учесть жаркое время года и будто специально подоспевший ко времени ветерок, можно было не сомневаться, что огонь моментально охватил не только траву, но и деревья.

Пройдя метров двадцать по выжженной дотла земле, Гуров остановился перед уже знакомым ограждением из колючей проволоки. Пространство за ним было пустынным и имело заброшенный вид. Казармы и командный пункт явно находились далеко отсюда. Мысленно оценивая расстояние, которое он проехал с того момента, как впервые увидел бетонный забор, Лев пришел к выводу, что военная часть занимает довольно внушительную территорию. Вероятно, основная жизнь подразделения протекала за непроницаемой стеной из железобетона, а здесь служащие появлялись лишь по мере необходимости.

«Если живые люди бывают здесь от случая к случаю, неудивительно, что ЧП заметили уже после того, как начались взрывы, – думал он. – Хорошо еще, что услышали хоть их. Если склад с артиллерийскими снарядами действительно неподалеку, разрушения могли быть гораздо более глобальными».

Размышляя над этим, Гуров одновременно очень внима-

тельно осматривал то, что находилось за ограждением.

Метрах в пяти от забора виднелись обгоревшие руины некоего, по-видимому, весьма надежного строения. Обломки конструкции позволяли предположить, что стены здания были почти метровой толщины, а торчащие из них куски арматуры свидетельствовали, что строители позаботились и о дополнительной прочности.

«Патроны и гранаты? – осматривая эти живописные развалины, с сомнением думал полковник. – Так, кажется, говорили солдатики Артему? Хм... Не знаю. Это сколько же нужно гранат, чтобы развалить на куски такую крепость? Хранилище, похоже, было выстроено в лучших сталинских традициях, чтобы никакая вражья сила не взяла. От разорвавшегося патрона такая машина не развалится. Интересно, что здесь могло гореть? Не арматура, я надеюсь?»

Поскольку наиболее очевидной первопричиной произошедшего был признан пожар, взрывы боеприпасов начались, видимо, в результате резкого повышения температуры. Но, учитывая, что основой конструкции хранилища был железобетон, было не очень понятно, откуда это резкое повышение могло взяться.

Однако, осматривая близлежащую территорию, Гуров увидел такую же черную землю с торчащими там и сям обгоревшими пеньками, какая была и на выжженной части лесопосадки. Скорее всего, возле склада до недавнего времени тоже буйствовала растительность и именно это очеред-

ное «удачное» совпадение могло спровоцировать повышение температуры не только снаружи, но и внутри помещения.

«Может быть, здесь все-таки были какие-то деревянные элементы, крыша, например, или наличники какие-нибудь? А может, и без элементов обошлось. Если здесь деревья росли так же густо, как и в этой посадке, то и без элементов так могло прижарить, что тут не только патроны взрываться, тут и арматура могла расплавиться. Помнится, Орлов говорил, что «заначка» на этом складе чуть ли не с хрущевских времен хранилась. Может, эти бравые вояки и не заглядывали сюда. Кому нужно это старье? Склад не охраняли, территорию не чистили. Вот и результат».

Размышления Гурова прервали чьи-то шаги и негромкие голоса.

Не желая, чтобы его кто-то здесь видел, он быстро прошел обратно по выжженной части лесопосадки и скрылся за уцелевшей растительностью. Машина его тоже стояла под укрытием деревьев и была незаметна с территории военной части.

Осторожно выглянув из-за ветвей, Лев увидел двух молодых ребят в мешковато сидевшей на них военной форме. У каждого был автомат, и он догадался, что это те самые караульные, которых так не хватало здесь пару дней назад.

Остановившись перед «дырой», проделанной пламенем в гуще деревьев, они смотрели на бескрайние распаханые просторы за колючей проволокой так, как заключенные

смотрят из-за решетки на вольное небо.

– Давай курнем, что ли, – сказал один из них, худой и высокий, с лицом, густо усыпанным веснушками.

– А если заметят? Засекут, сколько времени прошло, узнают, что мы вместо караула тут...

– Не заметят, – оборвал худой. – На, бери! У меня «Винстон». Хоть сигарет нормальных покуришь.

– Да я и так... у меня тоже нормальные, – немного смутившись, ответил второй – приземистый и плотный, с круглым лицом и наивным взглядом серых, еще совсем детских глаз.

– Ага. Знаю я твои нормальные. На, бери! – Худой вытащил сигарету и протянул пачку товарищу.

Затянувшись, ребята помолчали, тоскливо глядя «на волю», потом веснушчатый перевел взгляд на пожарище и произнес:

– Ну и разнесло.

– Да, не слабо, – согласился сероглазый. – Игорька жалко.

– Жалко ему. А на хрена он полез в самое пекло, спрашивается? Вот теперь – жалко. А если бы раньше башкой подумал, может, и жив бы остался.

– Интересный ты! На хрена полез... А как бы он не полез, если приказ? Не слышал, что ли, как старшина орал?

– Заорешь тут. Мужики говорят, его Рыба перед этим так настегал, что тот скакал, будто ему скипидару в одно место плеснули. Не захочешь – заорешь.

– Правильно. Если бы на второй склад перешло, тут бы

вообще... Тут бы как в Сирии было бы. Ковровая бомбардировка, – усмехнулся сероглазый.

– Смешно тебе, – строго проговорил его веснушчатый товарищ. – А вот Игорьку теперь не смешно. А если бы на второй перешло, тут еще больше жертв было бы. Может, и ты бы сейчас... на небесах летал. Ржешь стоишь.

– А чего я? Я ничего, – сразу притих сероглазый. – Я так просто сказал. Конечно, если бы на второй перешло... Не дай бог!

– Ну, давай теперь про Бога еще поговорим. Идем уже, святоша. А то и правда заметят.

Веснушчатый докурил сигарету, тщательно притоптал брошенный на землю окурок и, не дожидаясь товарища, направился дальше вдоль ограждения из колючей проволоки. Сероглазый, повторив те же действия, поспешил за ним следом.

Несмотря на краткость подслушанного монолога, он произвел на Гурова неизгладимое впечатление. Подтверждалась версия о том, что командиры послали неопытных новичков тушить пожар в самой непосредственной близости от склада, где уже начали взрываться боеприпасы, зная, что тут же неподалеку находится другой склад, где то же самое может начаться с минуты на минуту. Подобное пренебрежение к человеческим жизням и само по себе выглядело вопиюще, не говоря уже о том, что явно указывало на превышение полномочий.

Было уже понятно, что поблизости от этого склада не имелось эффективных средств пожаротушения. Свою халатность и пренебрежение к элементарным мерам безопасности командование части решило компенсировать за счет жизни и здоровья призывников.

Факт был возмутительным и требовал отдельного расследования. Тем не менее это не объясняло, откуда взялись боеприпасы на формально пустом складе. Очевидно, что распоряжение об экстренном тушении пожара любой ценой было лишь следствием, а причина состояла все в той же «неожиданной» детонации зарядов, которых здесь не должно было быть.

Когда шаги караульных стихли вдалеке, Лев вернулся на свой «наблюдательный пункт» и продолжил осмотр близлежащей территории части.

Второй склад, о котором говорили военнослужащие, находился метрах в десяти от унылых развалин. Территория возле него была очищена от растительности, и, глядя на сиявшие свежими спилами пеньки, Гуров невольно усмехнулся: «Поздновато хватились. Раньше надо было о порядке на прилежащей территории заботиться, а теперь чего уж, после драки кулаками не машут».

Пройдя вдоль заграждения в сторону второго склада, он внимательно осмотрел это массивное строение, точную копию первого хранилища. Здание было целиком железобетонным с крытой листовым железом крышей. Но из-под кры-

ши виднелись толстые деревянные балки, и Лев понял, каким образом огонь проник вовнутрь этой неприступной крепости.

Вот оно что! Перекрытия. Что ж, с пожаром теперь все понятно. И как огонь дошел до склада и как зашел внутрь. Непонятно только, почему, вместо того чтобы обнаружить эту внутренность пустой, пламя нашло там для себя богатую и роскошную «пищу».

Размышляя об этом, он прошел еще несколько метров вдоль ограды и увидел, что дальше по периметру древесная растительность вновь бесцеремонно «штурмует» территорию базы. Пеньки заканчивались метрах в трех от второго склада.

По звукам строевой песни, раздававшейся в утренней тишине, Гуров понял, что день в военной части начался, и вернулся к машине. Предстоял разговор с командованием, и он простым не будет.

Потратив минут десять на замысловатые маневры, Лев развернулся на узкой дороге и поехал в обратном направлении. Выехав с грунтовки на трассу, вскоре вновь увидел бетонный забор, а проехав несколько километров, заметил в нем брешь, образованную контрольно-пропускным пунктом военной части.

Он сбавил скорость и позвонил Орлову:

– Алло, Петр? Доброе утро. Я тут подъезжаю к военной части, думаю, самое время предупредить наших друзей.

– Добро, Лева. Уже звоню.

После обмена этими краткими, но содержательными репликами Гуров вновь прибавил газу и через несколько минут уже тормозил возле КПП. Подойдя к сидевшему за пуленепробиваемым стеклом дежурному, он предъявил удостоверение и сказал, что ему нужно поговорить с командиром.

Серьезный парень, явно не первый год несущий службу, внимательно прочитал все, что было написано в документе, после чего немного подумал и произнес:

– Я сейчас узнаю.

Сняв трубку с невидимого Гурову пульта, он стал говорить с кем-то по внутренней связи. По тому, как буквально через пару секунд изменилось выражение его лица, Лев догадался, что генерал уже успел сделать «контрольный звонок».

– Подождите, пожалуйста, одну минуту. Вас сейчас проводят.

Через несколько минут возле проходной показался молодой человек. Лицо его буквально искрилось счастьем, и казалось, увидев, наконец, воочию оперуполномоченного Гурова, он исполнил главную мечту своей жизни. Военная форма сидела на нем, как на манекеншике сидит безупречно сшитый костюм «от кутюр», а новенькие майорские погоны сияли ярче майского солнца.

– Доброе утро! – лучезарно улыбнувшись, проговорил он. – Гена, что же ты держишь гостя за порогом? Проходите, пожалуйста!

Дежурный разблокировал «вертушку», и Гуров, перейдя заградительный кордон, оказался на территории военной части.

– Майор Стрелков, к вашим услугам. «Говорящая» фамилия, не правда ли? Кажется, сама судьба подталкивала к военной карьере, – без умолку тараторил провожатый, следуя чуть позади полковника. – Я решил не противиться судьбе и, вы знаете, ни разу не пожалел. Государство своих солдат ценит. Полное довольствие, обмундирование, жилье, питание. Что еще нужно человеку? К тому же и сослуживцы – просто отличные ребята, да и командование понимающее.

– Не жизнь – сказка, – невольно усмехнулся Лев.

– Напрасно вы иронизируете, – вновь одарив его обезоруживающей улыбкой, проговорил Стрелков. – Все действительно так, как я говорю. Служить в нашей части – это не только честь, но и большая удача, и если бы вы...

– Надеюсь, погибший рядовой имел такое же мнение, – жестко прервал Гуров.

– Да, это... это настоящая трагедия, – тут же переменяя тон с бравурного на траурный, согласился Стрелков. – Но подобные случаи – редчайшее исключение. Редчайшее. Наше командование скорбит вместе с близкими этого отважного парня. Он вел себя как настоящий герой. Невзирая на опасность, бросился тушить пожар, думая не о своей жизни, а о сохранении жизни других. Командование выплатит компенсацию родным, есть даже предложение о том, чтобы

представить парня к награде.

Лев хотел заметить, что эта высокая награда навряд ли заменит молодому человеку годы несостоявшейся жизни, но, взглянув на непрошибаемо «правильное» выражение лица Стрелкова, понял, что словами тут не много возьмешь.

Было очевидно, что его собеседник – бойкий карьерист, отирающийся возле начальства и за все время своей «службы» ни разу не нюхавший пороху. По-видимому, его послали к полковнику в качестве «встречающего», чтобы он, с одной стороны, создал у неприятного «гостя» нужное настроение, а с другой – прощупал «почву» и постарался разузнать, с чем тот явился – с миром или с войной.

Именно к этому непосредственно и перешел Стрелков после сетований на «исключительный» случай.

– Так, значит, вы по этому делу прибыли сюда? – осторожно поинтересовался он. – В связи с героической смертью нашего бойца?

– И по этому в том числе, – не желая конкретизировать, ответил Лев.

– Да, происшествие очень печальное. Но ведь оно уже расследуется. Буквально накануне из Наро-Фоминска приезжала полиция, они все очень подробно исследовали, всех расспрашивали. Неужели в Москве посчитали действия коллег некомпетентными?

– У нас возникли дополнительные вопросы, – вновь неопределенно ответил Лев.

– Вот как, – несколько разочарованно проговорил Стрелков, видя, что не удастся добиться «толку». – Что ж, наше командование всегда готово к сотрудничеству. Владимир Григорьевич лично поручил мне это вам передать.

Просматривая дело, Гуров запомнил основные фамилии, и ему было известно, что Владимир Григорьевич Калачев – это и есть тот самый командир части, с которым он намеревался сейчас побеседовать.

Разговаривая, они со Стрелковым подошли к зданию, где размещалось командование, и майор предупредительно открыл дверь:

– Проходите, пожалуйста.

Благодаря заботливой опеке сопровождающего, все двери раскрывались перед полковником как по волшебству. Оказавшись в небольшом вестибюле, он увидел, что контрольная лампочка на очередном турникете, возникшем на его пути, уже горит зеленым.

– Кабинет Владимира Григорьевича на втором этаже, – снова сориентировал Стрелков.

Впрочем, без этих подробных комментариев вполне можно было бы обойтись. Майор ни на секунду не оставлял Гурова без внимания и лично проводил до самой двери с надписью: «Приемная».

– Ирина Константиновна, принимайте нашего гостя, – сказал он, приоткрыв дверь и пропуская Гурова вперед. – Передаю в ваши надежные руки.

– Здравствуйте. – Льву надоела неумолчная болтовня провожатого, и он решил взять инициативу в свои руки. – Могу я поговорить с командиром части?

– Да, Ирина Константиновна, узнайте, пожалуйста, – и тут влез Стрелков.

Женщина средних лет, сидевшая за столом с компьютером, поднялась с места и, ответив на приветствие Гурова, приоткрыла дверь кабинета своего начальника. От двери не донеслось ни звука, как будто начальник и секретарша общались телепатически, но результаты этого общения оказались вполне положительными.

Ирина Константиновна отошла от двери и сделала приглашающий жест, предлагая Гурову войти.

– Пойдете со мной? – чуть насмешливо поинтересовался Лев, обернувшись к неотвязному Стрелкову.

– О нет, что вы! – кажется, совершенно не заподозрив подтекста, запротестовал тот. – Могу ли я нарушить конфиденциальность такой беседы. Нет! Ни в коем случае!

Войдя в кабинет, Гуров оказался в просторном помещении, большую часть которого занимал стол для совещаний. Бесконечно длинный прямоугольник упирался еще в один стол так, что вместе они образовывали букву «Т».

За поперечной перекладиной буквы сидел полный мужчина. По-видимому, он был невысокого роста, поскольку из-за стола виднелись только пухлые плечи с генеральскими погонами и голова. Череп был почти лысым, лишь на висках и

затылке еще оставался негустой венчик седых волос.

– Здравствуйте. Присаживайтесь, пожалуйста, – проговорил Калачев, приподнимаясь из-за стола и протягивая руку для рукопожатия.

Он был серьезен, не демонстрировал наигранного оптимизма, как подсланный к полковнику «разведчик», но маленькие серые глазки, почти терявшиеся на оплывшем лице, смотрели вопросительно и настороженно. Всем своим видом упитанный генерал как бы спрашивал, чего ему ждать, и даже внешнее спокойствие и отсутствие растерянной суетливости, которая с головой выдавала Стрелкова, не скрыли от опытного сыщика, что его появление здесь действительно большая неожиданность для всех.

Очень довольный, что запланированный эффект ему удался, Лев устроился напротив, присев на ближайший стул, и приступил к выполнению «плана кампании», который давно уже лелеял в мыслях.

– Мне поручено вести расследование по факту самопроизвольного взрыва на складе боеприпасов, произошедшего в вашей части, – спокойно и по-деловому сообщил он.

– Да, мне звонили по поводу вашего приезда, – бегая глазами из стороны в сторону, ответил Калачев. – Правда, я не думал, что вы прибудете так скоро...

– Я оперативник, стараюсь работать оперативно, – открыто и доброжелательно улыбнулся Гуров. – Волка ноги кормят.

– Да, наверное.

В этот момент мелодично запиликал лежавший на столе Калачева телефон. По той поспешности, с которой генерал схватился за трубку, Гуров понял, что поступил отчет от преданного «ординарца». И действительно, в кабинете тут же появилась Ирина Константиновна, положила на стол начальника какую-то бумагу и так же быстро вышла.

– Извините... срочное сообщение, – коротко бросил Калачев, поедая глазами текст.

По-видимому, прочитанное не очень его вдохновило. Дочитав, он еще с минуту сидел, сдвинув брови и напряженно о чем-то размышляя.

– Плохие новости? – участливо поинтересовался Гуров.

– А? Нет, это... это так... текущие дела. Не обращайтесь внимания. – Генерал встряхнул головой, как бы сбрасывая наваждение, и, уже полностью переключившись на текущий момент, оживленно заговорил:

– Если я правильно понял, вы намерены пробыть у нас несколько дней? Меня просили позаботиться о гостинице. Я, конечно, могу снять для вас номер, но ближайшая гостиница находится в Наро-Фоминске, не знаю, насколько вам будет удобно каждый день ездить оттуда. А между тем у нас и в части есть вполне подходящие помещения. Не хуже любого люкса, нечто вроде гостевых домиков. Знаете, как бывает, иногда поверяющие приезжают, иногда совместные учения проводим, возникает необходимость разместить коллег.

Могу предложить вам один из таких вариантов. Вас ведь будет интересовать в основном информация о нашей части. Так зачем же каждый раз ездить сюда из гостиницы? Можете разместиться прямо здесь со всеми удобствами. Если хотите, Алексей прямо сейчас может проводить вас, покажет, как там все обстоит. Алексей Стрелков, офицер, который сопровождал вас...

Слушая эту нескончаемую приветственную речь, Гуров мысленно проводил экспресс-анализ.

«Похоже, «офицер, который сопровождал меня», не такой уж дурак, каким хотел показаться. Не иначе, он догадался, что со мной не получится играть в игры, и сделал соответствующий доклад начальнику. Теперь тот хочет меня отвлечь, чтобы выиграть время и разработать оборонительно-наступательную тактику. А заодно и пристроить в «гостевой домик», чтобы я всегда был на глазах, и ему проще было контролировать каждый мой шаг. Молодец, соображает».

Впрочем, относительно заселения в гостевой домик он скорее склонен был согласиться. Его «маневрирование» в военной части в любом случае будет у всех на виду, так что ежедневные поездки сюда из гостиницы действительно ничего, кроме дополнительных хлопот, не принесут. А с другой стороны, контроль – дело взаимное. В то время как верные вассалы командира части будут вести за ним бдительное наблюдение, он и сам может кое за кем понаблюдать.

Поэтому от предложения пожить на территории подраз-

деления Лев решил не отказываться, но давать «противнику» фору во времени категорически не желал.

– ...устройтесь, отдохнете с дороги, – говорил между тем Калачев, – а потом и за дела можно будет приняться.

– Нет, я бы предпочел сначала приняться за дела, – твердо произнес Гуров. – Иначе от чего же отдыхать, если не работал.

– Что ж, как скажете, – послушно согласился Калачев.

Он явно не был в восторге от такого поворота дела, но и истерики настойчивость полковника у него тоже не вызвала.

– Наверное, вы в первую очередь хотите поговорить с виновником этого происшествия. Он уже арестован. Действия полиции оказались на редкость оперативными, его вычислили практически сразу. Остается только пожелать, чтобы наши правоохранительные органы всегда работали на таком уровне. У меня есть телефон следователя, который ведет это дело. Мы стараемся быть в курсе, ведь нас это касается непосредственно. Если хотите, я могу...

– Спасибо, вы очень любезны, – прервал его Гуров. – Но если бы я хотел поговорить с предполагаемым виновником, я бы поехал прямо в изолятор, где он сейчас находится. Я же хочу поговорить с вами, поэтому я здесь.

– Со мной?! – Владимиру Григорьевичу удалось разыграть неподдельное изумление весьма правдоподобно. – Но что я тут, собственно... Мы – потерпевшая сторона. Если вас интересуют суммы нанесенного ущерба, я могу запро-

сдать данные у наших бухгалтеров. Но, наверное, это и все, что я со своей стороны смогу сказать вам относительно этого дела.

– Не скромничайте, – тонко улыбнулся Лев. – У каждой медали, как известно, имеется две стороны. С какой-то точки зрения вы – сторона потерпевшая, а с какой-то... Если я правильно понял, на момент, когда возник пожар, один из складов с боеприпасами должен был быть пустым. Именно тот, который сейчас разрушен. Согласно плану утилизации, вооружение оттуда должно было быть вывезено, а само хранилище необходимо было подготовить к принятию новых, более современных арсеналов. Тем не менее вследствие несчастного пожара выяснилось, что дело обстоит не совсем так. Точнее, совсем не так. У вас есть какое-то объяснение этому парадоксу?

Сообразительный командир быстро сориентировался и использовал ход, благодаря которому можно было и исчерпывающе ответить на поставленный ребром вопрос полковника, и в то же время не сказать по существу ровным счетом ничего. Он не стал оправдываться или рассказывать интересную историю о перемещении боеприпасов из одного склада в другой. Он просто перевел стрелки.

– А вот мы сейчас спросим, какие нам дадут объяснения, – набычившись и сделав очень грозное лицо так, будто готов сию же минуту присудить кому-то самое строгое наказание, проговорил Калачев. – Ирина Константиновна! Вызовите ко

мне Рыбакова.

Последние слова он произнес в телефонную трубку внутренней связи, которая покоилась перед ним на пульте со множеством кнопок.

Фамилия Рыбаков Гурову тоже была известна из дела и, подслушивая из-за деревьев разговор двух срочников, он не сомневался, что именно этот человек фигурировал в их беседе под кличкой «Рыба».

Дмитрий Иванович Рыбаков в военной части занимал должность заведующего хранилищами арсеналов, то есть был именно тем человеком, который непосредственно распоряжался хранением и перемещением имевшихся на балансе части боеприпасов и вооружений. Никакое злоупотребление в этой сфере не могло совершиться без его ведома. А значит, если такие злоупотребления имели место, он как минимум был их участником. Если не инициатором.

Впрочем, тот факт, что Калачев так решительно апеллировал именно к нему, скорее показывал, что Рыбаков все-таки участник. Это ведь только для сторонних лиц и организаций наличие боеприпасов на формально пустом складе было загадкой. Командование части просто по определению не могло не быть в курсе того, откуда что взялось, и командир в подобной ситуации, конечно, не мог оказаться вторым лицом. Вторым наверняка был Рыбаков, и именно его сейчас решил подставить Калачев, чтобы выйти сухим из воды.

– Ну так что, Дмитрий Иванович, готовы вы дать объясне-

ния, вот... товарищу полковнику? – с нажимом проговорил он, когда в кабинете появился недоумевающий Рыбаков. – Прошу любить и жаловать, – с невыразимым сарказмом добавил Калачев, обратившись уже к Гурову, – майор Рыбаков. Именно он у нас всеми этими вопросами заведует. С него и спрос. Ну что молчишь, Дмитрий Иванович? Отвечай. Органы ждут. Как так получилось, что после отправки боеприпасов на утилизацию ты, вместо того чтобы склад к подвозу новой партии готовить, сам туда непонятно что «подвез»?

Вконец потерявший ориентиры, Рыбаков переводил изумленный взор с Гурова на Калачева и не говорил ни слова. Глядя на несчастного, Лев даже посочувствовал ему. Действительно, без подготовки, без каких-либо предварительных договоренностей и согласований вот так вот вызвать в кабинет и в присутствии постороннего, да еще и представителя «органов», безжалостно давить: «Отвечай!» Это уж как-то даже не по-товарищески.

Тем временем Рыбаков, проглотив слюну, проямлил:

– Ну-у... я-а-а... это. Я не подвозил... – и очень выразительно посмотрел на Калачева, только что вслух не произнес: «Что же ты делаешь, гад?»

– Не подвозил? – не поддаваясь на эту немую провокацию, нахмурился Калачев. – А кто подвез?

– Ну-у, я-а-а... Я не знаю.

– Ах ты не знаешь?! А кто должен это знать?! В чьем ведении находятся у нас склады с оружием?! Кто должен от-

вечать за сохранность?! Кто должен знать о малейшем изменении в количестве?! Кто должен следить за перемещением и досконально знать судьбу каждого поступившего в часть патрона?!

– Я, – упавшим голосом произнес Рыбаков, видимо, поняв, что надеяться не на кого. Везде предательство.

– Так почему же ты этого не знаешь?! – голосом праведного судии гремел Калачев. – Ишь, распустились! Что хотят, то и творят! Я еще выясню, что это у тебя там взрывалось! Я еще разуюзнаю! У меня под самым носом всякие темные делишки проворачивать? Не на того напал!

Не без интереса наблюдая этот спектакль, Гуров вдруг понял, что из сложившейся ситуации можно извлечь немалую пользу для дела.

Рыбаков сейчас обижен на непосредственного начальника, думает, что тот и взаправду решил сделать его козлом отпущения, который должен понести на себе все грехи. В такой ситуации люди бывают склонны рассказывать об этих самых грехах немного больше, чем планировали изначально. Если не упустить момента и не дать Калачеву и Рыбакову пообщаться наедине и прояснить все «непонятки», есть вполне реальный шанс действительно узнать что-то интересное об этих «неожиданно» возникших на пустом складе боеприпасах.

Вдохновленный этой идеей, Лев даже готов был отказаться от своего первоначального плана, который заключался в

«прессовании» командира части. Тот решил переадресовать все вопросы заведующему хранилищами? Что ж, прекрасно! Заведующий так заведующий. Он и попроще будет, чем важный командир, да и обида с досадой свое дело сделают. Если такой козырь сам идет в руки, грех им не воспользоваться.

– Я тебя под арест! На гауптвахту тебя! – бушевал тем временем полностью вошедший в роль Калачев.

– Ну зачем же сразу под арест? – приняв на себя роль добродушного примирителя, вступил в разговор Гуров. – К чему такие жесткие меры? С человеком всегда можно договориться по-хорошему. Правда, Дмитрий Иванович? Давайте мы с вами ненадолго оставим Владимира Григорьевича и общаемся наедине. За это время эмоции улягутся, страсти поутихнут. Все мы придем в себя и сможем посмотреть на дело ясным взглядом, не замутненным переживаниями.

Такой поворот явно не понравился Калачеву. Сразу поняв, чем это чревато, он попытался возразить, но Гуров был непреклонен.

– Стоит ли вам так беспокоить себя, – сразу сбавил обороты командир. – Допрашивать, тратить время, вместо того чтобы спокойно отдохнуть с дороги, общаться с этим... заведующим. Да я сам его допрошу. Вот посидит в карцере пару дней, подумает о своем поведении, тогда все нам как миленький расскажет. И что, и откуда.

– Не нужно в карцер. – Лев говорил спокойно, но по его твердому взгляду можно было без труда догадаться, что воз-

ражать здесь бесполезно. – Просто найдите нам какое-нибудь подходящее помещение, где мы смогли бы спокойно побеседовать. Мне ведь все равно понадобится комната для допросов, так почему бы не определиться с этим прямо сейчас? Тем более что есть повод.

Словосочетание «комната для допросов» вызвало на лице Калачева легкую судорогу и, кажется, отбило всякое желание продолжать дискуссию. Недовольно скривившись, он снова снял трубку внутренней связи и, потыкав в какие-то одному ему известные секретные кнопки, проговорил:

– Алексей? Что там у Бардина, кабинет свободен? Да? Хорошо. Зайди ко мне, проводишь туда... нашего гостя.

Стрелков появился в кабинете через несколько минут, как всегда свежий и радостный, но, поняв по воцарившемуся неловкому молчанию, что что-то пошло не так, тоже приуныл. Однако на безупречных манерах майора это никак не отразилось, и в кабинет неизвестного Гурову человека по фамилии Бардин его сопроводили со всеми возможными предупредительностями.

– Тихое, уютное местечко, – щебетал Стрелков. – Отлично подойдет для доверительного разговора. Уверен, вам там будет очень удобно общаться.

Вполуха слушая этот вздор, Гуров шел по коридору и думал о том, что весь предыдущий разговор в кабинете командира части – это от начала и до конца разыгранный спектакль. Неизвестно, насколько доверительным будет его раз-

говор с Рыбаковым, но в разговоре с Калачевым все было шито белыми нитками. Все эмоциональные всплески, все возмущения и удивления, все это было совсем не искренне и к доверительности никак не располагало.

Уже одно грозное обещание посадить Рыбакова под арест полностью выдавало надуманность всех этих бурных эмоций. Пожар произошел два дня назад, и все это время командир части, конечно же, был в курсе, что именно Дмитрий Рыбаков отвечает за сохранность и перемещение боеприпасов. Тем не менее до приезда Гурова он почему-то не предъявлял ему свои гневные претензии и не спешил сажать в карцер. Что ж, посмотрим, как поведет себя Рыбаков и что поведает...

Глава 3

Кабинет, выделенный командиром военной части для проведения допросов, действительно был расположен довольно удачно. Он находился в самом конце длинного коридора, идущего через весь второй этаж, и «прохожие» здесь бывали чрезвычайно редко.

Устроившись за столом, который в другое время, несомненно, занимал хозяин кабинета, Гуров пригласил Рыбакова сесть напротив и несколько минут молчал, давая обескураженному заведующему хранилищами прийти в себя.

– Расскажите мне про этот склад, – спокойно сказал он, увидев, что Рыбаков немного оклемался и готов говорить. – Если я правильно понял, помещение было построено довольно давно. Вообще, с чем была связана недавняя утилизация? С тем, что хранившийся там арсенал устарел?

– Склад? – рассеянно переспросил Рыбаков. – А что склад? Склад старый был. Заброшенный, можно сказать. И арсенал там был старый. Непригодный уже. Туда, можно сказать, и не заглядывал никто. А вы что, новенький, что ли? – неожиданно перешел он к вопросу, явно очень его интересовавшему. – По этому делу к нам вроде парень какой-то приходил. Молодой.

– Нет, я не новенький. Просто из другого ведомства.

– Из другого? Из какого?

– Из московского Главка. Ваши взрывы так нашумели, что даже у нас отозвалось, – чуть усмехнувшись, ответил Лев.

– Из московского?..

На лице Рыбакова отразилась напряженная работа мысли. По-видимому, он сопоставлял в уме фразу «из московского Главка» и поведение своего вероломного начальника. Выводы, к которым приходил заведующий хранилищами, похоже, были не слишком приятные.

– Так, значит, склад этот был заброшенный, – вывел его из задумчивости Гуров.

– А? Да. Зброшенный был. Мы его ремонтировать хотели, оборудовать в соответствии с современными требованиями, – произнес Рыбаков, явно повторяя услышанную где-то «умную» фразу. – Поэтому и решили почистить. Освободить то есть от арсенала. Помещение-то само по себе надежное. Было. Не оборудованное только. А так – хоть куда. Двери, замки, все там было на должном уровне. В плане безопасности, в смысле. Полная гарантия от посторонних проникновений. А как же? Иначе нельзя. Это ведь вооружение.

– А что конкретно там находилось? – как бы невзначай поинтересовался Гуров.

– Что?.. – тянул время Рыбаков, мысленно подбирая «правильный» ответ. – Патроны были, гранаты. Оружия не было. Только боеприпасы.

– Патроны и гранаты, больше ничего?

– Да, кажется, больше ничего, – как-то странно ответил

Рыбаков.

Такая неопределенность в формулировках навела Гурова на мысль, что его собеседник «темнит». Не говоря уже о том, что заведующий хранилищами просто в силу своих должностных обязанностей должен был знать, где что лежит, сама по себе утилизация, проведенная совсем недавно, должна была оставить в памяти совершенно четкое представление о количестве и видах уничтоженных боеприпасов.

Тем не менее Рыбаков отвечал так, будто все это дела давно минувших лет, и вспомнить, чего и сколько было на этом складе, почти нереально.

Мысленно отметив для себя эту особенность, Лев продолжил допрос, решив пока не прибегать к давлению. Кульминацию он решил приберечь к окончанию разговора.

– Почему склад не охранялся? – спросил он. – Старые или новые – это все равно боеприпасы, разве можно было бросать их совершенно без внимания?

– Почему не охранялся? Охранялся... – не очень уверенно проговорил Рыбаков.

– Тогда почему пожар заметили только тогда, когда уже начались взрывы?

– Ну... как сказать... – мялся заведующий. – Постоянного караула там, конечно, не было. Но у нас и на других складах специальных караулов нет. А этот... Он старый был. На отшибе.

– Так тем более нужно было следить, – давил Гуров. – На

отшибе мало ли что может произойти.

– Мы следили. Его патрули осматривали. Несколько раз в день.

– В самом деле? А почему там все заросло лесом? Потому что его несколько раз в день «осматривали»?

– Ну... территория, это конечно... Конечно, территория, это... наша вина, – опустив голову, сокрушенно признался Рыбаков. – Но меры уже приняты, там все почистили. Деревья спилили, траву убрали. Приняли все меры. И дальше там, по периметру. Там тоже. Продолжаем. Чтобы ни сучка, ни задоринки, так сказать. Полная пожарная безопасность.

– Ну да, когда пожар уже случился, можно и о пожарной безопасности позаботиться, – саркастически заметил Гуров.

Не найдя подходящего ответа, Рыбаков лишь тяжело вздохнул.

– У меня есть информация, что на тушение пожара послали неопытных солдат-срочников. Именно это стало причиной гибели одного военнослужащего и госпитализации еще нескольких. Что вы можете сказать об этом? Кто отдал приказ срочникам, чтобы они занимались пожаротушением?

– Приказ? Какой приказ? Что вы! Кто мог отдать такой приказ? – Изумленный и даже немного испуганный взгляд Рыбакова, очевидно, должен был показать собеседнику, что он услышал нечто совершенно невероятное. – Пожаротушением у нас пожарные занимались. Мы сразу вызвали бригаду. Моментально. Как только дым этот увидели, так и вызва-

ли. А срочников... нет. Что вы! Зачем им пожаротушением заниматься?

– Но тот факт, что несколько человек госпитализировано с ожогами и ранениями, вы не будете отрицать? Где еще они могли получить их, как не на этом пожаре?

– Да, госпитализированы, – озабоченно проговорил Рыбаков. – Это я... не отрицаю. Но они ведь сами. Сами туда полезли. Молодые, неопытные. Все им интересно. Услышали взрывы и побежали скорей смотреть. Как дети прямо. Все им кино. Там пламя бушует, здание на куски разваливается, а им хоть бы что. Вот и получилось. В смысле – с рядовым этим. Кто ж знал, что он в самое пекло ползет. Говоришь, говоришь им. А все равно. Молодые, неопытные...

Слушая этот рассказ, Гуров все пытался заглянуть в глаза Рыбакову, но это никак не удавалось. Заведующий хранилищами смотрел то в пол, то в окно, то блуждал мутным взором по стенам кабинета, но ни разу не направил взгляда в сторону полковника.

– Так, значит, военнослужащие полезли под взрывы по собственной инициативе? – с нажимом спросил Лев.

– Именно! Именно по собственной, – оживленно подхватил Рыбаков. – Кто ж их знал. Говоришь им, говоришь. А все равно...

– А как вообще получилось, что там произошли эти взрывы? – озвучил свой главный вопрос Гуров. – Вы ведь сами сейчас сказали, что этот склад решено было освободить от

боеприпасов. Что же там могло взрываться?

– То есть как... В смысле... Ну да, – в чрезвычайном за-
мешательстве пробормотал Рыбаков. – Да, решено было...
освободить. Но мы... потом... там еще... Туда на время пе-
реместили запасы с другого склада, – собравшись наконец с
мыслями, проговорил он. – Временно. Пока новые не подве-
зут.

– В самом деле? Что ж, понятно. Это, наверное, отражено
в ведомостях. Я бы хотел посмотреть документы.

– А?

– Документы о перемещении боеприпасов на этот склад, –
повысив голос, повторил Лев. – Где я могу их посмотреть?

– Документы? Так это... я... как сказать?... Документы у
начальства. Я не могу... у меня нет полномочий.

– Вы заведуете всеми хранилищами боеприпасов в этой
части и у вас нет доступа к документам об их движении? –
Всем своим видом Гуров показывал, что несказанно удив-
лен. – Странно...

– Нет, я... у меня есть доступ. Но... Я не могу... не могу
другим показывать, – с усилием выдавливал из себя трудные
слова Рыбаков. – Мне нужно... нужен приказ. Разрешение.
Сам я не могу.

«Вот оно что, – усмехаясь, подумал Гуров. – Уважаемый
Дмитрий Иванович намекает, что он в деле не один и за всех
этот воз везти не собирается. Что ж, неглупо. Калачев сде-
лал его крайним без предупреждения, без объявления вой-

ны, так сказать. С какой же стати он будет церемониться с вероломным начальником? Если придется обнародовать документы, то пусть дает свою санкцию, не делает вид, что он здесь ни при чем. Но из-за чего же весь сыр-бор, вот что я хотел бы узнать? Что там такое произошло с этими неучтенными боеприпасами? Ведь ничего глобального на этом складе не было, иначе бы здесь действительно только мокрое место осталось, и жертв было бы гораздо больше. Так чего они так трясутся? Только потому, что пару лишних гранат утаили, решив перепродать «налево»?»

– Значит, вам необходимо разрешение, – вслух произнес он. – Что ж, давайте попытаемся его получить. Приказ должен отдать командир части, если я правильно понимаю?

– Да, он, – упавшим голосом проговорил Рыбаков.

– Что для этого нужно? Заявление? Рапорт? Устное обращение? Давайте решим этот вопрос прямо сейчас. Мне нужна информация, и я не планирую дожидаться ее целый месяц. Все документы о движении боеприпасов хранятся в части, мне это известно. Я хотел бы их посмотреть. Если для этого нужно специальное распоряжение командира, мы сейчас пройдем к нему в кабинет и решим этот вопрос. Только и всего.

Гуров говорил четко и уверенно, давая понять, что не собирается больше играть ни в какие игры. Тем временем Рыбаков окончательно потерял кураж. Своим видом он напоминал пойманного в ловушку зверя, ожидающего неминуе-

мой смерти.

– Так что, идем?

– А? – снова невпопад спросил Рыбаков. – Я... не знаю. Может быть, Владимир Григорьевич сейчас занят.

– Ничего, отвлечется. Навряд ли его занятия важнее моих. В вашей части погиб человек, и я намерен досконально разобраться в причинах происшедшего.

Понуриив голову, Рыбаков поплелся следом за полковником обратно в кабинет начальника.

До того как решится вопрос с документами о перемещении боеприпасов, получившими вдруг такую сугубую секретность, Гуров не хотел давать своим подопечным возможность пообщаться наедине. Они могли договориться, придумать какую-то новую стратегию действий, в результате которой просмотр документов снова будет отложен, и вся история затянется до бесконечности.

Такой расклад его совершенно не устраивал, поэтому он решил «не слезать» с Рыбакова до тех пор, пока не добьется конкретного результата.

– Владимир Григорьевич у себя? – спросил он, открывая дверь в приемную.

– Да, но...

Удивленное и испуганное выражение на лице секретарши яснее ясного говорило о том, что второй раз его здесь не ждали.

– Нам необходимо уточнить одну деталь. Это займет всего

несколько минут. Можем мы войти?

– Я сейчас узнаю.

Поспешно, будто опасаясь, что полковник ворвется в кабинет, не дав ей предупредить любимого начальника, Ирина Константиновна выскочила из-за стола и прошла к двери.

В этот раз она плотно закрыла ее за собой и минут пять вела не слышные в «предбаннике» переговоры, перед тем как выйти и сообщить, что незваные гости могут-таки войти.

Пройдя в кабинет, Лев отметил, что и этого небольшого времени Калачеву вполне хватило для того, чтобы «подготовиться» – всем своим видом тот выражал неподдельное удивление, как бы спрашивая, какого черта этот полицейский снова заявился в его кабинет, поэтому он не стал медлить с ответом и заговорил первым:

– Мы с Дмитрием Ивановичем обсудили основные нюансы дела. В целом мне все понятно, единственный момент, который осталось прояснить, – что за боеприпасы находились на складе в момент пожара. Если я правильно понял, после того как его содержимое было передано на утилизацию, хранилище должно было оставаться пустым. Тем не менее факты свидетельствуют об обратном. Дмитрий Иванович сообщил мне, что на этот склад временно были перенесены боеприпасы из других хранилищ. Я бы хотел изучить документы, подтверждающие это перемещение. Как выяснилось, они представляют особую секретность, и для просмотра необходимо ваше специальное распоряжение. Когда мы сможем его

получить?

Эффект этой непродолжительной речи был почти таким же, как само появление полковника в военной части.

Калачев долго молчал, будто утратив дар речи, а его маленькие глазки снова лихорадочно бегали из стороны в сторону, давая понять, что в мозгу командира идет сложная работа по поиску выхода из безвыходной ситуации.

– Видите ли, дело в том, – медленно, как бы в раздумье, начал Калачев, – что сведения об имеющихся в части боеприпасах это действительно закрытая информация. Прежде чем давать разрешение на ее просмотр, я должен... проконсультироваться. Вы ведь понимаете, никому не хочется, как говорится, «попасть под раздачу». Тем более что дело-то, в общем, довольно очевидное, и даже не совсем понятно, для чего вам так необходима информация о том, что именно лежало на том складе. Ведь причина взрывов установлена, это пожар, устроенный безответственным фермером. Зачем же еще...

– Если бы склад после утилизации оставался пустым, никакая причина не привела бы к взрывам просто потому, что взрываться было бы нечему. Но катастрофа случилась, погиб человек. Мне необходимо выяснить, по какой причине и какие именно боеприпасы находились на этом складе. Вы сказали мне, что я могу узнать это у Дмитрия Ивановича. Он говорит, что не может дать такую информацию без вашей специальной санкции. Вы же, в свою очередь, утверждаете,

что тоже должны с кем-то проконсультироваться. Сколько времени займут эти консультации?

– Ну... я не знаю... Трудно сказать. Мне нужно будет созвониться...

– Хорошо. Сейчас двенадцать, – взглянув на часы, сказал Гуров. – Думаю, до конца рабочего дня вам вполне хватит времени, чтобы провести любые консультации. Созванивайтесь, договаривайтесь, получайте рекомендации. Завтра утром я надеюсь увидеть необходимые мне документы на столе в кабинете, где мы сейчас общались с Дмитрием Ивановичем. Если их там не будет, я созвонюсь сам и тоже постараюсь получить кое-какие разрешения. Я веду это дело, и моих полномочий совершенно достаточно, чтобы не только изъять ведомости о перемещении боеприпасов, но и опечатать вообще всю документацию, которая имеется в вашей части. Если вместо частичной проверки предпочитаете тотальный аудит, вы будете иметь его в самое ближайшее время. Уж мне-то удастся получить необходимые разрешения. В этом можете не сомневаться.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и вышел из кабинета, оставив изумленных «подельников» переваривать озвученную им информацию.

Лев не сомневался, что изумительная бессодержательность разговоров с командиром части и заведующим складами обусловлена их упорным нежеланием открывать «страшный секрет», откуда же на формально пустом складе появи-

лись боеприпасы. И, среди прочего, его очень интересовало, насколько серьезны причины этого нежелания. Если гибель военнослужащего еще можно было списать на действия «безответственного фермера» и обойти вопрос боеприпасов стороной, то угроза тотальной проверки документации уже не позволяла сделать вид, что проблемы не существует.

Хотя он был почти уверен, что не далее чем завтра ему все-таки удастся просмотреть «засекреченные» ведомости, но вместе с тем понимал, что возможен и другой сценарий. Обещанная им проверка не начнется сию минуту, для этого действительно необходимо было получить соответствующие разрешения и отправить людей. Все это займет время, и Калачев может успеть уничтожить или заменить подделками «подозрительные» бумаги, которые могут указать на то, что в части происходят злоупотребления, и тогда все грандиозные «репрессивные меры» закончатся ничем.

Подобное развитие событий тоже могло иметь место и не следовало сбрасывать его со счетов. Но насколько же серьезными должны быть злоупотребления с этими боеприпасами, если командир части не захочет показать ведомости даже под угрозой тотального аудита!

Размышляя о возможных причинах беспримерной скрытности командования, Гуров спустился вниз и уже выходил из здания, когда его нагнал Стрелков.

– Лев Иванович! Подождите! – взывал он. – Куда же вы так спешите? Мы же договаривались...

– Договаривались? О чем? – Гуров остановился, недоумевая, когда это он успел о чем-то договориться в ходе непродолжительного и довольно бессмысленного общения со Стрелковым.

– Ну как же? Квартира... Я ведь должен заселить вас, – суетливо частил майор, делая вид, что ужасно запыхался, догоняя полковника.

– А, это. Да я уже и забыл.

– Ну как же? Нужно ведь вам где-то жить. Меня начальство довольствия лишит, если узнает, что я вас на произвол судьбы бросил. Одноместный номер, полностью оборудованный всем необходимым, – разливался соловьем Стрелков. – В холодильнике продукты, в ванной полный набор средств гигиены. Все, как говорится, включено. Рядом кафе, там можно вполне прилично пообедать. Надеюсь, вам понравится.

– А далеко это? – поинтересовался Лев, искоса взглянув на припаркованную неподалеку от входа в часть машину.

– Нет, совсем рядом. Можем прогуляться пешком или, если хотите, организирую машину.

– Давайте лучше пешком.

Огороженная территория, занимавшая несколько гектаров земли, делилась на две неравные части – жилую и «рабочую». На жилой половине располагались солдатские казармы и несколько трехэтажных домов для офицерского состава. «Рабочая» часть, занимавшая основную площадь, вклю-

чала плац и полигон для учений.

Миновав стоявшие в ряд непрезентабельные трехэтажки, Гуров и Стрелков подошли к «гостевому домику».

Это было тоже трехэтажное строение, но по сравнению со всеми остальными домами оно выглядело более опрятно и даже щеголевато.

В небольшом ухоженном вестибюле вместо традиционной консьержки новоприбывших встретил дежурный и проводил на второй этаж, где располагались одноместные люксы.

– Вот здесь можете устраиваться, – сказал Стрелков, открывая перед Гуровым дверь номера. – Располагайтесь, осваивайтесь. Если что-то будет нужно, обращайтесь к дежурному. Или прямо ко мне. Мой телефон у вас есть?

– Нет, как-то не удосужился узнать, – чуть усмехнувшись, ответил Лев, которого очень позабавило это «прямо ко мне», явно не соответствующее статусу его провожатого.

– Запишите, пожалуйста, я продиктую, – тем временем заботливо проговорил Стрелков. – Мало ли что может понадобиться. Может быть, машина в город или еще какой-то организационный вопрос нужно будет решить. Звоните, все сделаем.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарил Гуров, прекрасно понимая, кто именно будет обеспечивать Стрелкову это завидное «всемогущество».

Еще немного поговорив о пустяках, надоедливый провожатый оставил наконец его в покое, и Лев смог осмотреть

свои новые владения.

Номер действительно оказался очень удобным и был оборудован всем необходимым. Перекусив тем, что нашел в холодильнике, он запер дверь и отправился к командному корпусу, чтобы перегнать оттуда машину и перенести в номер вещи.

Подходя к зданию, Гуров увидел перед подъездом черный «Майбах», явно ожидавший выхода какой-то важной персоны. Заинтересованный, он сбавил шаг и, укрывшись за углом ближайшей постройки, стал наблюдать.

Минут через десять из дверей появился очень полный, небольшого роста мужчина, которого, уважительно поотстав шага на два, сопровождал вездесущий Стрелков. В толстяке Лев сразу узнал командира части, и безошибочный инстинкт бывшего опера подсказал ему, что экстренное отбытие Владимира Григорьевича теснейшим образом связано с их недавним разговором.

«Не иначе, на консультацию отправился», – с усмешкой подумал он.

Дождавшись, когда «Майбах» уедет, Гуров сел в свою машину и перегнал ее к гостинице. Забрав вещи, вновь поднялся в номер. Одежду он аккуратно разложил в шкафу, зубную щетку отнес в ванную, а заботливо завернутые в пищевую пленку бутерброды пристроил в холодильник. Поразмыслив, куда лучше спрятать пистолет, решил просто положить его в прикроватную тумбу.

Окончательно устроившись, Лев затем позвонил Панфилову, чтобы узнать, не готово ли заключение экспертов относительно того, что именно взорвалось в «пустом» складе. Все, кому он до сих пор задавал этот вопрос, упоминали патроны и гранаты, но, судя по разрушениям, в хранилище находились и более мощные снаряды. Ручные гранаты, даже в большом количестве, навряд ли смогли бы разнести на куски железобетонную стену метровой толщины.

– Артем? Здравствуй, – приветствовал Гуров молодого коллегу. – Звоню узнать, нет ли каких новостей по делу о взрыве.

– А какие у меня могут быть новости? Теперь все новости у вас, – ответил Артем.

– Я имею в виду заключение экспертов по поводу боеприпасов, которые были на том складе. Если оно готово, его, наверное, пришлют тебе, а не мне. Ведь изначально вел дело именно ты.

– Нет, пока ничего не присылали. Но я могу позвонить, узнать. Может быть, результаты у них уже есть, только официальную бумажку писать ленятся.

– Позвони, Артем. Чем раньше придет информация, тем лучше.

Минут через двадцать молодой коллега перезвонил Гурову «с докладом».

– Готово, Лев Иванович! – сообщил он. – Виды боеприпасов они действительно установили, заключение обещали

прислать завтра.

– И что же там было?

– Приблизительно то, о чем я и говорил. Несколько видов патронов, в том числе и крупнокалиберные. И гранаты. То же несколько видов. Точнее, два: ручные и для противотанковых гранатометов.

– Для противотанковых гранатометов? Не слабо!

– Да. То есть РПГ имеется в виду. Ручной противотанковый гранатомет. Видимо, они есть на вооружении в этой части, вот и боеприпасы к ним, соответственно, имеются.

– Да, РПГ – это серьезно.

Узнав, что именно лежало на складе, Гуров уже не удивлялся тому, что взрывом разнесло стены метровой толщины. Скорее нужно было удивляться, что разрушения не стали более глобальными. Взрыв нескольких противотанковых гранат разом мог вызвать и более серьезные последствия, чем изломанная в куски железобетонная стена.

– ...по-видимому, сначала патроны стали взрываться от температуры, – продолжал между тем говорить Артем. – А потом уже и гранаты сдетонировали. Вот и получилось...

– Светопреставление, – с усмешкой закончил фразу Лев. – Что ж, спасибо, Артем, твоя информация многое объясняет. Когда будет готово официальное заключение, пришли мне, пожалуйста, на тот же адрес, куда дело отправлял.

– Хорошо, Лев Иванович, как только получу бумажку, сразу вам скину.

Переговорив с Артемом, Гуров еще раз мысленно перебрал все основные пункты дела о взрывах и увидел, что «белых» пятен в нем практически не осталось.

Причина пожара была понятна, обстоятельства гибели рядового в целом тоже. Для передачи дела в суд оставалось лишь собрать показания очевидцев и официально оформить признание Сизова. Теперь было известно даже то, какие именно боеприпасы взорвались на злосчастном складе. Неясным оставалось лишь одно: откуда они там взялись.

«Скорее всего, это выяснится завтра, – предполагал полковник. – Ведь выбор у товарища Калачева, в общем-то, небольшой. Либо он объяснит мне, приватно, какие такие загадочные маневры привели на формально пустой склад все эти «неучтенные» гранаты и патроны, либо то же самое ему придется рассказать уже официально суровым и неподкупным проверяющим. Ну а если завтра ничего не выяснится и упрямый командир части не проговорится даже под угрозой аудиторской проверки, значит... значит, в этом уютном номере я проживу несколько дольше, чем рассчитывал».

Придя к такому заключению, он запер «уютный номер» и отправился осматривать территорию части, даже не подозревая, насколько точным окажется его предвидение и каким неожиданным будет поворот событий, который заставит его задержаться.

Пешую прогулку Гуров решил предпринять, имея в виду две цели. Во-первых, он рассчитывал, что во время это-

го моциона ему удастся пообщаться с кем-то еще из обитателей военного городка, с теми, кто не обременен тяготами «высокого ранга» и с кем можно поговорить запросто. А во вторых, уже имея представление о том, как выглядит разрушенный склад из-за забора, ему хотелось посмотреть на него «изнутри» и изучить более детально.

Однако, оказавшись на свежем воздухе, Гуров понял, что первую часть плана выполнить не удастся. В жилой зоне военного городка, где он сейчас находился, наблюдалось унылое запустение. Не было «случайных прохожих» или просто праздношатающихся, не стояли возле подъездов домохозяйки, оживленно обсуждающие последнее происшествие, не было вообще никого, городок будто вымер.

Пройдя дальше, он тоже не обнаружил особого кипения жизни. Вокруг было так же пустынно, лишь издалека доносился ритмичный топот множества ног, дающий понять, что рядовой состав усердно отрабатывает строевую подготовку.

Сориентировавшись с направлением, Лев отправился в сторону взорвавшегося склада.

Чем ближе он подходил, тем явственнее доносились до него характерные звуки, показывающие, что где-то идет активная борьба с не в меру разгулявшейся природой. Жужжание пил, шорох веток и периодические командные окрики – все свидетельствовало о напряженном трудовом процессе.

Подойдя к разрушенному складу, он увидел, что метрах в двадцати от него несколько измученных жарой солдатиков

расчищают пространство возле ограждения, на которое вела активное наступление лесопосадка. Парни пилили деревья, убирали сухие ветки, и ряд блистающих свежими спилами пеньков, начинавшийся от выжженной площадки возле первого склада, неуклонно увеличивался.

– А это кто у нас тут? – по-хозяйски уперев руки в бока, направился к Гурову плотный низкорослый мужчина, видимо, бывший здесь «за главного». – Вы кого ищете, товарищ? Здесь закрытая территория, посторонним нельзя находиться. Кто вас пустил?

– Меня командир части пустил, – спокойно ответил Гуров. – И не только пустил, но даже в гостиницу поселил и пообещал, что во всех прочих вопросах мне будет оказано полное содействие. В том числе и со стороны офицерского состава. – Говоря это, он достал удостоверение и, развернув его, сунул прямо под нос бойкому «командиру». – Так что вы, э... как вас звать-величать?

– Старшина Никитин, – растерянно ответил крепыш, прочитав, что написано в «корочках».

– Так что вы, старшина Никитин, занимайтесь своим делом и не мешайте мне проводить следственные действия. Если вы будете нужны мне, я позову.

– Слушаюсь, – уже совсем другим тоном ответил старшина.

Съездившись и став как будто даже меньше ростом, он убрался восвояси и, вернувшись к суевившимся возле изго-

роди рядовым, начал еще активнее кричать и понукать бесправных солдатиков, компенсируя свое фиаско перед кем-то более сильным и облеченным властью.

Тем временем Гуров подошел к железобетонным развалинам и с интересом заглянул внутрь. Уже с первых секунд осмотра можно было понять, что интересного здесь будет немного. Предусмотрительные командиры вовремя позаботились о том, чтобы как следует «зачистить» то, что осталось от склада. Сейчас на всей довольно обширной площади, по которой разнесло железобетонные обломки, не было даже мельчайшего предмета, который мог бы намекнуть на то, что здесь когда-то хранились боеприпасы.

Единственная дополнительная информация, которую Лев смог получить, изучая развалины вблизи, это состояние бетонного пола хранилища, которое тоже свидетельствовало о том, что взрывы были достаточно мощными. Монолитная железобетонная плита, наверняка больше чем на метр ушедшая в землю, была буквально раскрошена в пыль. В одном месте виднелось даже нечто вроде своеобразной воронки, будто это было не суперпрочное покрытие, а обыкновенная земля. Скорее всего, именно там и находились ящики с противотанковыми гранатами.

Остальное пространство пола было изрыто трещинами и тоже повреждено, но уже не так глобально. Это давало повод предположить, что боеприпасов как таковых здесь действительно было не много.

«Лежали, наверное, все в кучке где-нибудь в районе этой воронки, – подумал Гуров, – поэтому и обошлось все, так сказать, локальными потерями. Если бы склад был заполнен, детонация наверняка «разбудила» бы соседнюю артиллерию. И тогда здесь начался бы такой фейерверк, что и от всей части, наверное, осталось бы не больше, чем от этого склада».

Бросив взгляд на хранилище с артиллерийскими снарядами, стоявшее неподалеку, он лишний раз убедился в обоснованности своих предположений. А убедившись, снова подумал, что опасность возникновения подобного «фейерверка» действительно могла спровоцировать командиров немедленно бросить солдат на тушение пожара, несмотря на очевидный риск для их жизни.

– О! Лев Иванович! – прервал его раздумья бодрый голос, уже успевший изрядно поднадоесть за этот день. – А что ж вы один? Вызвали бы хоть меня. А то что же это? Нехорошо получается. Такого высокого гостя бросили в одиночестве. Если возникнет какой-то вопрос или проблема, даже помочь некому.

По-видимому, состояние эйфории было обычным жизненным состоянием майора Стрелкова. Вот и сейчас, лучезарно улыбаясь, он молот свой вздор, совершенно не желая замечать нахмуренного и отчужденного лица Гурова, явно показывающего, что «помощник» явился не вовремя.

– Спасибо, если вы мне понадобится, я вызову, – сухо проговорил Лев. – Но, вообще-то, я привык самостоятельно

справляться с проблемами. Я уже большой мальчик.

– Да, разумеется, – ничуть не теряя оптимизма после этой отповеди, проговорил Стрелков. – Я ни в коем случае не навязываюсь со своей помощью. Просто вы впервые у нас в гостях. Незнакомое место, непривычная обстановка... Могут возникнуть недоразумения или непонимание. Ведь у нас здесь все-таки военный объект, мало ли как поведут себя, например, караульные. Насчет посторонних у них очень строгий приказ.

– Сразу стреляют на поражение? – саркастически усмехнулся Гуров.

– Ну что вы! Нет, конечно. Я совсем не это имел в виду, – торопливо поправился Стрелков. – Просто, не разобрав, в чем дело, они могут повести себя как-нибудь... неадекватно. А нам бы очень не хотелось, чтобы о нашей части у вас сложилось отрицательное впечатление. В сущности, все мы здесь – одна сплоченная команда, все стремимся к достижению единой цели, трудимся на благо родины. И этот случай со взрывом... он, конечно, очень неприятный, но нам бы не хотелось, чтобы из-за него...

– Послушайте, Алексей, – прервал Гуров этот нескончаемый поток слов. – Давайте договоримся так. Я понял, что вы всегда готовы прийти мне на выручку в трудную минуту, и очень это ценю. Если у меня возникнет проблема, вы узнаете об этом первый. Но в те периоды, когда проблем нет, я предпочитаю работать самостоятельно и очень не люблю, когда в

мою работу вмешиваются. Это понятно?

– То есть... да, конечно, – засуетился Стрелков. – Просто я... я хотел...

– Всего хорошего, Алексей.

Более чем красноречивый взгляд полковника не оставлял возможностей для маневра, и, сбивчиво попрощавшись, Стрелков удалился.

Гуров провожал глазами сутулый, потерявший лоск силуэт, и ему в голову пришло сравнение с побитой собакой.

«Шестеркам» тоже нелегко, – сочувственно усмехнулся он. – Вот что майор скажет сейчас «барину»? Тот его послал сюда, а отсюда послали обратно. Вот и скачи тут между двух огней как знаешь».

Предыстория неожиданного возникновения возле склада вездесущего майора была ему предельно ясна. О его появлении здесь доложил «по цепочке» бойкий старшина Никитин, а уж дальше предугадать развитие событий было нетрудно. Узнав, что неудобный «гость» разгуливает без присмотра по территории части, Калачев немедленно выслал «на перехват» своего верного вассала, строго-настрого наказав тому «не спускать глаз».

Но фишка не сыграла, и, заканчивая осмотр разрушенного склада, Гуров не без сарказма думал, что теперь за ним наверняка наблюдает исподтишка Никитин, чтобы, «в случае чего», моментально дать знать «куда следует».

Впрочем, пока это пристальное внимание его почти не

беспокоило. Все уже было понятно, а то, что оставалось еще непонятным, он надеялся прояснить уже завтра.

«Взять показания у солдатиков, которые сейчас в больнице, – мысленно намечал Лев план ближайших действий. – Им врать незачем, думаю, расскажут все, как было. И о том, что послали их пожар тушить, а не сами они побежали, и о том, кто именно послал. С фермером тоже наверняка проблем не будет. Бедолага в таком состоянии, что в порыве самобичевания, кажется, готов не только все, что было, подробно описать, но даже чего не было прибавить. В общем, все выстраивается, не выстраиваются только эти боеприпасы. Как заноза они торчат, всю стройную картину портят. Если бы их на этом складе не было, то и ничего бы не было. И взрывов бы не было, и парень остался бы жив. И ведь не должно было их там быть. А вот – оказались».

Сделав несколько фотографий, иллюстрирующих последствия взрыва, он посмотрел на часы и решил, что до конца дня еще вполне успеет выполнить один из пунктов своего плана, а именно – поговорить с военнослужащими, попавшими после взрыва в больницу.

Вернувшись к гостинице, сел в машину и снова позвонил Панфилову, чтобы узнать, как лучше добраться из части до стационара. Гуров не сомневался, что в роли провожатого будет счастлив выступить Стрелков, но при одной мысли, что придется снова любоваться на приторно-счастливую физиономию и слушать нескончаемый вздор, он почувствовал

непреодолимое раздражение.

– Нет уж. Как-нибудь сам, – вслух произнес Лев.

Без проблем добравшись до больницы, он, чтобы не тратить время на утомительные поиски и согласования, обратился прямо к главврачу. Результатом получасовой беседы было то, что Гуров не только получил возможность пообщаться с интересующими его пациентами, но и на время разговора в его распоряжение предоставили отдельную одно-местную палату.

Из четырех человек, госпитализированных после пожара, ему разрешили поговорить с двумя. Рядовые Андрей Мищенко и Михаил Крестов получили ранения и ожоги средней тяжести, поэтому врачи не возражали против их допроса. Остальные двое только-только были переведены из реанимации и находились в довольно тяжелом состоянии, так что Лев и сам не настаивал на общении с ними.

Устроившись в предоставленной палате, он сказал сопровождавшей его медсестре, что можно вести к нему первого собеседника.

– Мищенко или Крестова? – уточнила та.

– Без разницы. Давайте Мищенко, раз уж первым его называли.

Медсестра ушла, а минут через пять появилась снова уже в сопровождении высокого юноши, у которого половина лица была забинтована, и очень взволнованной женщины средних лет.

– ...да вам все равно не разрешат, – уверяла медсестра, продолжая разговор, начатый, по-видимому, еще в коридоре. – При допросе не разрешают присутствовать посторонним.

– Кто это здесь посторонний? – едва сдерживая эмоции, говорила женщина. – Это я – посторонний? Родная мать, это, значит, теперь посторонний считается.

– Успокойтесь, пожалуйста, – произнес Гуров, поднимаясь навстречу возмущенной даме. – Никто не говорит, что вы посторонний. Вы – мама Андрея Мищенко?

– Да! Я его мама. А вы, я так полагаю, следователь? Очень хорошо. Вас-то мне и надо. Вот полюбуйтесь! – патетически воскликнула она, указав на перебинтованного юношу. – Вот что сделали с моим сыном в армии. Растишь, холишь, лелеешь, пылинки сдуваешь. А потом Родина призывает на службу и возвращает тебе сына инвалидом. Вы понимаете, что он без глаза может остаться?

– Присядьте, пожалуйста, – спокойно проговорил Лев. – Не нужно так волноваться. Я здесь именно для того, чтобы во всем разобраться и призвать к ответу виновных.

– Вот именно! Призовите! – продолжала на повышенных тонах возмущенная мать. – Сколько еще они будут калечить наших детей?! Уже и сроки службы сократили, а результат все тот же. Хоть на один день ребенка отправь, все равно калекой вернется.

– Да ладно, мам, какой я калека, – неуверенно вступил в

разговор юноша.

– Помолчи, Андрюша, тебе нельзя волноваться. Так вот, я вам ответственно заявляю, – снова обратилась она к Гурову. – Если все это снова сойдет вашим генералам с рук и не вызовет никаких последствий, я во все инстанции жаловаться буду. В европейский суд напишу, до президента дойду. Вы у меня ни одной минуты не будете жить спокойно, пока эти негодяи не получат по заслугам.

– Но ведь и я прибыл сюда с той же целью, – вновь повторил Гуров. – Именно для того, чтобы вывести всех негодяев на чистую воду и собрать факты, доказывающие их вину. А для этого мне необходимо поговорить с вашим сыном и выяснить, как все произошло. Вы позволите?

– Я?.. Да... Разумеется, – немного рассеянно произнесла женщина, еще не остыв от своего эмоционального выступления. – Конечно, если это необходимо, вы можете с ним поговорить.

– Благодарю вас, – кивнул Лев и выразительно взглянул на собеседницу.

– Что? – поняв этот взгляд, слегка приподняла она бровь. – Я вам мешаю? Я – посторонний?

– Допрос проводится без свидетелей. Таковы правила.

– Ну, хорошо, – как бы устав от непосильной борьбы, выдохнула решительная дама. – Если по-другому нельзя, я вас оставлю. Андрюша, поговори со следователем, – повелительно сказала она сыну, будто без нее он так и не понял бы, что

ему нужно сейчас делать. – Расскажи все, как было. Ничего не утаивай. Не бойся, они ничего не смогут тебе сделать. Наоборот, это мы их... Впрочем, ладно. Не буду вам мешать. – Вздернув подбородок, она развернулась и картинно покинула палату.

Следом за ней, аккуратно прикрыв дверь, удалилась и медсестра.

– Серьезная у тебя мамаша, – улыбаясь, сказал Лев Андрею.

– Не то слово, – тяжело вздохнул тот.

– Что с глазом-то? Действительно все так серьезно?

– Да нет. Удар просто сильный, отслоение сетчатки. Куском стены долбануло.

– Отслоение сетчатки – это не смертельно, – резонно заметил Гуров. – Другу твоему меньше повезло. А тоже, как я понял, «долбануло» куском стены.

– Там разные куски были, – сразу нахмурившись, произнес Андрей. – На него такая глыба налетела, с полтонны, наверное. Да плюс еще инерция. И огонь. Там пожар страшный был, даже взрывы на этом фоне как-то не особенно впечатляли.

– А зачем же вы полезли-то в это пекло? Что, жизнь не мила? Это ведь пожарных работа – пожары тушить.

– Черт его знает, зачем полезли, – с досадой проговорил Андрей. – Дураки. По инерции, наверное, просто. Старшина орет, значит, надо исполнять.

– То есть инициатива была не ваша? – пристально взглянув в лицо парня, спросил Лев.

– Само собой, не наша. Все-таки мы не совсем идиоты. Говорю же – по инерции. Там муштра тоже... та еще. Ты на службе – значит, главная твоя обязанность исполнять приказы. Даже дебилы. Вот мы и исполняли.

– Но это ведь не просто дебилый приказ, он ведь с риском для жизни был связан. Вы ведь не могли этого не понимать.

– Да там уж не думали – с риском, без риска. Все пылает, вокруг грохот, и так ничего не замечаешь, а тут еще этот орет, как ненормальный, «руби, пили!». Когда уж тут риски оценивать.

– То есть... что значит, «руби, пили»? – не понял Гуров.

– Ну, Никитин послал нас деревья рубить. Или пилить. У кого что в руках было, тот тем и орудовал. Кто пилой, кто топором.

– Погоди-ка, так, значит, он вас не на тушение пожара послал?

– Нет. Он приказал поросль убрать, чтобы огонь дальше не пошел и на второй склад не переметнулся. Как зверь орал, кажется, если бы не послушались, кусаться бы начал.

– Так, значит, все несчастные случаи произошли в то время, когда вы убирали деревья?

– Ну да. Мы там близко начали, можно сказать, под огнем прямо. Поэтому и ожоги у ребят. Не только у тех, кто здесь

лежит. Многих прижарило, просто не в такой тяжелой форме, вот они и не пошли в больницу. Правильно, чего валяться? Здесь скука.

– Да уж. Зато на том пожаре вам, похоже, было весело.

– Не то слово, – усмехнулся Андрей.

– Послушай, а откуда там вообще оказались боеприпасы? Ведь, насколько я понял, этот склад должен был пустым стоять. Говорили, что все, что там лежало, вывезли на утилизацию.

– Да, вроде бы вывезли. Я тоже слышал. Но, видать, не все. Пацаны говорили, что, когда машина пришла, Рыба самолично там присутствовал, на этом складе. Указывал, какие ящики забирать, а какие оставлять.

– Рыба, это Рыбаков?

– Ну да, – смущенно улыбнулся Андрей. – Его здесь все так зовут. Лупоглазый, на карася похож.

– Значит, он лично указывал, какие именно ящики с боеприпасами можно забирать, а какие нужно оставить? – с возрастающим интересом спросил Гуров.

– Ну да. Так говорили.

– И много там их осталось, этих ящичков?

– Я не знаю, я там не был.

– А кто был? Кто занимался погрузкой?

– Грузили те, кто с этой машиной приехал. Не наши. Машину прислало предприятие, которое должно было все это утилизировать, ну и грузчики эти, соответственно, тоже бы-

ли от них. Типа – специалисты. Как нести правильно, как ставить, чтобы самим на этих гранатах не подорваться при перевозке – все это они должны были соблюдать. Мы-то не знаем, как правильно. Вот нам и не доверили.

– Ясно. Но откуда же ты тогда узнал, что не все ящики со склада вывезли? Не Рыба же тебе рассказал об этом?

– Нет, не он. Это так... слухи ходили. А потом и подтвердилось... как видите.

– А о том, для каких целей Рыба оставил на складе гранаты, слухи, случайно, не ходили? – вновь пытливо посмотрел на Андрея Гуров.

– Нет, об этом не ходили, – серьезно ответил парень.

– Что ж, на нет и суда нет. Можешь возвращаться в палату, не буду больше тебя мучить. Выздоровливай.

– Спасибо.

Глава 4

Отпустив Андрея, Гуров не спешил вызывать его товарища, размышляя над полученной информацией.

Выходило, что перед «своими» Рыбаков не очень-то и таился, смело и у всех на виду «сортируя» ящики с боеприпасами, вместо того чтобы отдать приказ грузить их подряд и без разбора. И такую храбрость несложно было объяснить. Бесправные солдатики, которые, собственно, даже не участвовали в процессе, проговориться не посмеют, а пришлые «типа специалисты» не станут поднимать шум именно потому, что они – пришлые. Какая им разница, двадцать там ящиков реально загружено или только пятнадцать? Все равно на уничтожение везут. Главное, чтобы документы были подписаны, а с этим у майора Рыбакова наверняка было все в порядке. Что же до небольших несоответствий в количестве, подобные «нюансы» всегда можно сгладить путем сильного материального поощрения.

«В общем-то, технология здесь понятна, ничего сверхъестественного нет. Непонятной остается цель. Что собирались делать Калачев и Рыбаков с этими гранатами? Продать «налево»? Но там, кажется, было не такое глобальное количество, чтобы из-за него рисковать карьерой. Оставили лично для себя, чтобы на досуге поохотиться или глушить рыбу? А может быть, эти два товарища – члены какой-нибудь

тайной организации, практикующей человеческие сафари, и, в силу служебного положения, членские взносы они платят патронами и гранатами?»

Последняя версия вызвала у полковника усмешку, но в целом причин для веселья было не так уж много. Гуров видел, что у него есть все поводы предъявить командованию части серьезное обвинение, но нет фактов, чтобы это обвинение доказать. Приватные разговоры рядовых военнослужащих, пересказывающих друг другу какие-то невнятные «слухи», разумеется, не могли служить основанием для возбуждения уголовного дела, а кроме этих разговоров в активе у него пока ничего не было.

– Крестова вести? – деликатно постучав в дверь, осведомилась медсестра.

– Ведите, – оторвавшись от раздумий, решительно проговорил Лев. – Он без мамы?

– Один, – понимающе усмехнулась девушка.

Михаил Крестов оказался щуплым среднего роста юношей с детски-наивным выражением доверчивых карих глаз. У него была почти целиком забинтована левая рука, и из-за края повязки виднелся след от ожога, частично заходивший на шею.

– Здорово, Миша, присаживайся, – гостеприимно приветствовал Гуров.

Получасовая беседа с новым собеседником почти ничего не прибавила в копилку информации полковника. Крестов

был скромным деревенским парнем, замкнутым и не очень общительным, и по вопросам, касающимся разных «секретных» тем, до него не доходили даже слухи.

Михаил более подробно рассказал об обстоятельствах гибели Игоря Щепкина, но практически ничего не смог пове­дать относительно нюансов проведенной недавно утилиза­ции. Очевидно, подобные «интимные» темы товарищи с ним не обсуждали.

Закончив допрос, Гуров обнаружил, что уже седьмой час вечера, и подумал, что привычка укладываться в рамки ра­бочего дня у него уже в крови и проявляет себя везде, неза­висимо от места действия и обстоятельств.

Он чувствовал голод и решил по возвращении в часть на­ведаться в рекомендованное Стрелковым кафе.

«Будет неплохо, если окажется, что там действительно прилично кормят, и еще лучше, если выяснится, что сре­ди завсегдатаев тоже циркулируют какие-нибудь интересные слухи», – подумал Лев, спускаясь к машине.

Приехав в часть, он припарковался у гостиницы и пешком направился в кафе.

Названия заведение не имело, но это не мешало ему быть вполне приличным мини-рестораном, где днем можно было перекусить, а вечером посидеть за чашечкой кофе или бока­лом вина и послушать приятную, ненавязчивую музыку.

Гуров попал в предвечернее время, когда обедающие по­сетители уже схлынули, а любители вечерних медитаций еще

не собрались. Вместо музыки по полупустому залу разносился голос диктора, рассказывающего последние новости и комментирующего постоянно сменяющийся видеоряд на огромной, во всю стену, плазме.

– Что-то о нас ничего нет, – усмехнувшись, заметил грузный мужчина с пивным брюшком, стоявший у барной стойки. – Что, уже не актуально?

Гуров, в этот момент забиравший свой заказ, заметил, как бармен сделал пузатому мужику «страшные» глаза и кивнул в его сторону.

– Чего? – по-простецки отреагировал тот и, не скрываясь, повернулся в сторону полковника, с любопытством осматривая его. – Чего ты?

По-видимому, не найдя во внешности Гурова ничего примечательного, пузан снова повернулся к бармену, глядя вопросительно и с недоумением. Но сам Лев тут же понял, что разговор может оказаться интересным, и не стал отходить далеко. Он устроился за ближайшим столиком и сделал вид, что усердно занимается своим блюдом и смотрит телевизор. Сам же вполглаза то и дело посматривал на беседующих и в оба уха слушал.

– Чего ты? – чуть тише повторил пузан, поняв, что здесь скрывается какой-то подвох.

Бармен стал что-то бубнить, понизив голос до уровня полной нелегальности, и Гурову, как он ни старался, не удалось расслышать ни слова. Но по тому, с каким интересом пузан

еще несколько раз обращивался в его сторону, он понял, что речь идет о нем.

«Похоже, о целях моего появления здесь осведомлены уже все», – с легкой усмешкой подумал Лев, пережевывая мясо.

Продолжая делать вид, что ему нет никакого дела до мужчин, беседующих у стойки, он вскоре добился того, что бдительность их ослабла, и они начали говорить громче.

– ... Дима сам не свой ходит, – машинально перетирая стаканы, говорил бармен. – Витек заходил, говорит, с тех пор как этот здесь появился, все штабные на ушах стоят. Калач раз сто сегодня ездил куда-то, Дима, бедный, только коньяком и жив. Даже подходить к нему боятся.

– Нервничает?

– Еще как! Слова сказать нельзя, сразу крыть начинает по-черному. И в дело, и не в дело.

– А чего он, раскопал, что ли, чего-то на них? – таким же конспиративным полусшепотом спрашивал пузан.

– Я-то откуда знаю? Мне не докладывают. Я человек маленький, крутыми делами не ворочаю. Водки налить, стакан помыть – вот и вся моя забота. А с этими своими делами пускай сами разбираются. Мне даже знать не интересно. Витек говорил, он документы какие-то требует, – продолжал бармен, несмотря на заявленное только что полное равнодушие к чужим «делам». – А Калач показывать не хочет, боится, что раскроются все их здешние шуры-муры.

– Это насчет того солдатика, что погиб?

– Да нет, похоже, дело не в солдатике. У них там со снарядами какие-то непонятки вышли. Вроде на том складе их вообще не должно было быть, а они вдруг оказались.

– Как это? – удивленно спросил пузан.

– Я-то откуда знаю? – в досаде на непонятливость собеседника, чуть не во весь голос проговорил бармен. – Сам знаешь, Калач, он... крученный. У него что хочешь может оказаться.

– Да, Калач мужик мутный, – согласился пузан. – Это все говорят.

Почти не слыша телевизионного диктора, Гуров полностью сосредоточился на разговоре, происходившем возле барной стойки. Он так увлекся, что даже забыл про свой стейк и застыл, весь обратившись в слух, остановив на полпути вилку с куском мяса. Когда в разговоре возникла пауза, Лев поспешил вновь сосредоточить свое внимание на заказанном блюде, опасаясь, что его «нелегальную деятельность» раскроют, и он не сможет подслушивать дальше.

Но вскоре стало понятно, что дальше слушать нечего. Бармен и его упитанный друг сменили тему и стали вспоминать забавные случаи из армейской жизни, в том числе и с участием вышеупомянутого Димы, под которым, во всей видимости, подразумевался Рыбаков.

Выслушав несколько баек, Гуров понял, что делать ему здесь больше нечего. Зал постепенно заполнялся «вечерни-

ми» посетителями, пришедшими сюда, чтобы отдохнуть и расслабиться, надоедливый голос диктора сменился негромкой музыкой, и стало понятно, что до поздней ночи в этом зале больше никто не захочет говорить «о делах».

Расплатившись, Лев вышел на свежий воздух и, с удовольствием вдыхая вечернюю прохладу, неспешным шагом направился в гостиницу.

– Лев Иванович! Ну наконец-то! – неожиданно раздалось за его спиной. – А я уж с ног сбился. Пришел в гостиницу – говорят, уехал, стал расспрашивать – что? куда? – никто ничего не знает.

Неизменный Стрелков, запыхавшийся так, будто только что пробежал стометровку, суетливо догонял полковника, и тот, невольно вспомнив про оставленный в прикроватной тумбочке пистолет, мысленно посетовал: «Жаль, не взял».

– Как же это вы, а? – между тем продолжал Стрелков. – Нельзя же так... внезапно. Вы бы хоть предупредили.

– О чем? – всем своим видом показывая, что гостей сегодня больше не ждет, спросил Гуров.

– Ну как же... что уезжаете. Покидаете нас. Мы бы тогда уж и не волновались. А то ведь мало ли что. Вдруг случай какой-нибудь... неприятный. А на нас – ответственность. Скажут потом, что такого важного человека на произвол судьбы бросили, не берегли. Что мы тогда будем делать?

Эти постоянные намеки на «неприятные случаи» начинали уже раздражать Гурова.

«Что за idiotская фишка? – думал он. – Они что, таким образом пытаются напугать? Показать, что у них «длинные руки»? Так у меня у самого не короткие. Еще неизвестно, чья возьмет. Что за хамство, вообще? Угрожать чуть ли не открытым текстом полковнику УВД! Да еще из столицы. Со всем страх потеряли, обормоты».

Но Стрелков, кажется, угрожать не стремился. Разливаясь соловьем, он говорил о заботе и о том, что они очень хотят создать важной персоне, приехавшей к ним с проверкой, максимально комфортные условия.

– А иначе как? Иначе с нас взыщут. По всей строгости. И поделом. Как же? Иначе просто нельзя. Впрочем, все это уже неважно, – поспешил закруглиться Стрелков, взглянув на перекошенную от гнева физиономию полковника. – Главное, я убедился, что с вами все в порядке и вы благополучно прибыли обратно. Вот... тут небольшой гостинец, – добавил он, протягивая полковнику наполненный чем-то пакет. – Мне поручили передать. Ничего особенного, фрукты, aperitif. В номере фрукты не предусмотрены, я знаю. Хотя и люкс, но... Как говорится, «люкс по-армейски». Поэтому мы решили возместить, так сказать, временные неудобства.

Стрелков все держал на весу пакет, протягивая его Гурову, но тот не спешил принимать этот «гостинец». Уже поняв, что с новыми знакомыми нужно держать ухо востро, он не хотел давать повода для обвинения во взятке.

– Спасибо, но фрукты я, к сожалению, не ем, – вырази-

тельно взглянув на Стрелкова, ответил он. – У меня от них дисбактериоз. И вообще, я сегодня пораньше спать лечь хотел. Устал с дороги. Так что, извините. Спокойной ночи.

Лев развернулся и, оставив обескураженного Стрелкова стоять с протянутым пакетом, пошел в гостиницу.

Поднимаясь в номер, он отметил про себя, что майор, несмотря на все свои чрезвычайные беспокойства, не особенно интересовался, куда именно он ездил. Не уточнял маршрут, не спрашивал про пункт назначения, даже не намекнул, что это его интересует. На первый взгляд это можно было бы отнести к его деликатности, но Гуров очень хорошо понимал, что его персону интересует командование части в такой степени, что никакая деликатность не помешает задать нужный вопрос.

«Значит, они знали, – пришел к заключению Лев, открывая дверь в номер. – Знали, куда я ездил. Что ж, можно только поздравить уважаемых командиров части. Информационное обеспечение у них находится на высшем уровне».

Анализируя новые данные, которые ему удалось получить за этот вечер, Гуров все больше склонялся к мысли, что ситуация с боеприпасами не так проста, как может показаться на первый взгляд. Разговор, который он подслушал в кафе, и упоминание о том, что командир военной части «мужик мутный», подстегивали любопытство полковника, и он с большим нетерпением ждал того момента, когда сможет наконец ознакомиться со «сверхсекретной» документацией,

где отражено движение боеприпасов.

На следующее утро в восемь часов Гуров уже входил в приемную Калачева.

Одного взгляда на взволнованную секретаршу было достаточно, чтобы понять, что «по плану» сегодня ничего не пойдет. Тем не менее Лев не стал торопить события и совершенно спокойно, как будто уже заранее был уверен в положительном ответе, поинтересовался:

– Мне обещали передать ведомости о движении боеприпасов. Они готовы?

– Да... то есть... дело в том, что... – замялась секретарша. – Ведомостями распоряжается Дмитрий Иванович, а он сейчас... мы... Утром он не пришел, и сейчас я не могу до него дозвониться... что-то непонятное.

«Начинается, – с досадой подумал Лев, уверенный, что изобретательная парочка придумала очередной трюк с целью отдалить роковой момент обнародования своих темных делишек. – Но уж в этот раз номер не пройдет».

– Владимир Григорьевич у себя? – спросил он, делая движение к двери начальственного кабинета.

Он ожидал, что секретарша, как обычно, ринется наперерез, защищая неприкосновенность любимого начальника, но ничего подобного не произошло. Печальная и растерянная, она обводила отсутствующим взглядом пространство и не двигалась с места. Затем слегка встрепенулась и грустно

ответила:

– Да, он на месте.

Гуров решил, что, возможно, впрямь случилось нечто непредвиденное и дело совсем не в том, чтобы любой ценой не допустить его к вожделенным ведомостям.

– Доброе утро, – приветствовал он командира, решительно входя в кабинет. – Что, с ведомостями снова заминка?

– Здравствуйте, – траурным тоном ответил Калачев. – Заминка... это не совсем так. Я дал распоряжение, чтобы для вас подготовили бумаги, и Дмитрий Иванович должен был положить их мне на стол сегодня утром. Но... здесь что-то странное. Утром он не явился, и Ирина Константиновна никак не может до него дозвониться. Я послал людей к нему домой, с минуты на минуту ждем от них сообщения.

– А другие офицеры, живущие по соседству, ничего не могут сказать об этой странной заминке? – спросил Лев, вспомнив неказистые трехэтажные дома, предназначенные для офицерского состава. При такой скученности соседи наверняка были в курсе всех «странностей», которые происходят друг у друга.

– Другие? – несколько удивленно взглянул на него Калачев. – Но... дело в том, что по соседству у него никого нет. То есть я имею в виду из наших. Он живет в частном доме, в Сосновке. От части это не так уж далеко, а в смысле, так сказать, бытовых условий намного удобнее. Там и магазины ближе, да и вообще... инфраструктура. И для жены его удоб-

нее. Она как раз работает в магазине.

– Понятно. Дмитрий Иванович живет с семьей?

– С женой. Сын у него уже взрослый, он живет отдельно.

Занимается бизнесом, по стопам отца не захотел идти.

– А какой бизнес, если не секрет? – поинтересовался Гуров.

– Ресторанный, – лаконично ответил Калачев. – У него несколько закусовых. Столовые с недорогими обедами. Для среднего класса. Вот и у нас здесь кафе – это тоже его заведение. Кстати, оно совсем рядом с гостиницей. Алексей не говорил вам? Там можно вполне прилично поесть, а при желании, и заказать блюда с доставкой.

– Да, он говорил.

Командир части общался с ним как бы на автомате. Мысли его в этот момент явно находились где-то очень далеко отсюда.

Тут в дверь неуверенно постучали, и на пороге кабинета появилась секретарша. Глядя на ее расстроенное лицо, Лев догадался, что сообщение, которого ждали с минуты на минуту, видимо, уже пришло.

– Владимир Григорьевич, – прерывающимся голосом произнесла секретарша. – Сейчас звонил Борис... он говорит... говорит, что дома у Дмитрия Ивановича никто не открывает.

– То есть как не открывает? – нахмурил брови Калачев. – Его что, дома нет? А где же он? Он уже полчаса как должен быть в части! Что происходит, я не пойму?

– Я...

– Телефон его жены у нас есть? – прервал ее разгневанный начальник. – Звоните жене. Звоните сыну. Вызывайте полицию, в конце концов!

– Полиция уже здесь, – напомнил Гуров. – Что с его телефоном? – обратился он к секретарше. – Просто не отвечает или отключен?

– Не отвечает, – сокрушенно ответила Ирина Константиновна.

Вспомнив подслушанный накануне вечером разговор о том, что «Дима только коньяком и жив», Лев подумал, что, возможно, все еще не так глобально, и секретарша расстраивается зря. Предполагая, что сегодняшняя задержка Рыбакова – это последствия того самого коньяка, он предложил Калачеву послать кого-нибудь к его супруге.

– Ведь у нее есть ключи. Пускай передаст их кому-то из ваших людей или, если не доверяет, придет сама и откроет дверь. Заодно можно будет узнать, что произошло накануне вечером, и, вполне возможно, все это недоразумение быстро разъяснится.

– Да, действительно, – согласился Калачев. – Очень здравая мысль. Ирина Константиновна, пришлите ко мне Алексея.

Через несколько минут в кабинете появился как всегда сияющий счастьем Стрелков, а еще через полчаса произошло событие, которое резко изменило ход расследования и заста-

вило Гурова задержаться в части несколько дольше, чем он рассчитывал.

Но сейчас ему было понятно лишь одно: просмотр интересных его документов снова откладывается. Лев записал номер приемной Калачева, прошел в кабинет, где накануне проводил допросы, и там позвонил Орлову. Какими бы экстренными ни оказались причины, по которым ему снова не удалось ознакомиться со злосчастными ведомостями, больше ждать он не собирался.

– Петр Николаевич? Гуров беспокоит, – произнес Гуров, услышав в трубке знакомый голос.

– Рад слышать, Лев. Как продвигается дело?

– В целом неплохо. Основные пункты понятны, как все случилось, и почему погиб рядовой, тоже ясно. Есть показания потерпевших, что командиры отдали приказ военнослужащим в экстренном порядке рубить деревья, чтобы огонь не перешел на соседний склад. Там лежали артиллерийские снаряды, так что, если бы, вдобавок к первому, рвануло еще и второе хранилище, от этой части остались бы только воспоминания.

– Нормально... – обескураженно произнес Орлов. – Это значит, они за счет зеленых пацанов решили глобальную катастрофу предотвратить. А пожарных вызвать там никому в голову не приходило?

– Говорят, вызвали сразу же, как только заметили пожар. Только проблема в том, что, похоже, поздно заметили.

Догадались, уже когда услышали взрывы. Здесь, в общем-то, очевидная вина командования, поскольку в ненадлежащем виде содержались сами эти склады. Стоят они на отшибе, постоянного караула там нет, серьезных противопожарных средств тоже. Мало того, территория вокруг до такой степени запущена, что постепенно зарастает деревьями из соседней лесопосадки.

– По этим деревьям и перешел огонь? – догадался генерал.

– Именно, – подтвердил Гуров. – А поскольку этот лесок там практически по всему периметру ограждения, то понятно, что пламя благополучно достигло бы второго склада, так же как оно достигло первого.

– И мальчишек послали рубить деревья, чтобы этого не случилось?

– Да, послали. Думаю, ситуация была критическая, огонь подходил уже близко, и пожарные могли не успеть. Там гарь на земле, в общем-то, всего в нескольких метрах от второго склада. А учитывая погоду, да еще ветерок, несколько метров леса для бушующего огня – это пустяк.

– Веселенькая история!

– Еще какая. Самим товарищам офицерам с топорами лезть в пекло, похоже, не по чину показалось, а салагам бесправным можно. Сами ребята говорят, что приказы отдавались, как говорится, в жесткой форме, и они даже не успели сообразить, что выполнение их может быть связано с опасностью для жизни.

– Бравые командиры, видимо, на это и рассчитывали, – заметил Орлов.

– Да, только немного не рассчитали. На том складе, который взорвался, кроме прочего лежали снаряды для РПГ, а это, сам понимаешь, вещь серьезная. В общем-то, хранилище солидное, наверное, сталинской еще постройки. Стены как у крепости просто. Но противотанковая граната есть противотанковая граната. Метровой толщины стену разнесло на фрагменты, и один из кусков попал в пацана.

– С летальным исходом?

– Да. Теперь, собственно, о том, зачем я тебе звоню... Все вышеизложенное, что я тебе здесь перечислил, можно доказать, и на все это имеются свидетели и показания. Остается непонятным только одно. Тот самый ключевой вопрос, о котором ты упоминал в нашем первом разговоре, – откуда на формально пустом складе оказались боеприпасы.

– Что, это до сих пор неизвестно?

– Представь себе, нет, – подтвердил Гуров. – Мало того, все попытки это неизвестное выяснить наталкиваются на упорное противодействие. Все друг на друга переводят стрелки, рассказывают про военную тайну, говорят, что должны с кем-то проконсультроваться. А воз и ныне там. Я тут решил поставить нечто вроде ультиматума, дескать, если сегодня утром нужных документов у меня не будет, я сделаю так, что у них тут вообще все документы изымут. И нужные, и ненужные. В общем, пригрозил тотальной ауди-

торской проверкой.

– И как, подействовало?

– Угадай с трех раз.

– Неужели нет?

– Увы! Сегодня утром, вместо того чтобы положить на стол документы, мне сообщили грустную весть, что до человека, в распоряжении которого эти документы находятся, невозможно дозвониться. В общем, опять возникают какие-то странные непонятки, с тем же предсказуемым результатом – все снова откладывается.

– И в чем же причина такого беспримерного упорства? – спросил генерал.

– Хороший вопрос, – усмехнувшись, ответил Гуров. – Но, думаю, мы узнаем это не раньше, чем удастся-таки посмотреть наконец эти злосчастные документы.

– Может быть, все это связано с гибелью рядового? – предположил Орлов. – Ведь если бы боеприпасов на том складе не было, трагедии бы не случилось.

– Но они там были, и по какой причине – это уже второй вопрос. Вина командования во всей этой истории и без того очевидна. Выйти сухими из воды им не удастся, и в такой ситуации упорное нежелание объяснить, откуда на складе взялись гранаты, честно говоря, еще больше удивляет. Ведь главные-то обвинения – в ненадлежащем содержании хранилищ, в превышении полномочий, в гибели военнослужащего – в любом случае будут им предъявлены. На это есть и

основания и доказательства. Так почему же, уже зная, что уличены в главном, они не хотят признаться во второстепенном? Вот что по-настоящему изумляет. И именно это заставляет думать, что с этими боеприпасами не все так просто, и я готов настаивать на том, чтобы назначить проверяющих и опечатать всю наличную документацию этой части.

– И именно поэтому звонишь мне?

– Угадал. Прозондируй почву и узнай, насколько быстро можно будет все это организовать. Если они тут такие хвататы, времени на раскачку оставлять им не следует, иначе вообще никаких концов не найдем. Ведь сейчас даже непонятно, с чем именно они могли здесь мухлевать. Даже полунамека нет. Если просто оставили у себя боеприпасы, предназначенные для утилизации, возникает вопрос – для чего? Продать на сторону? Но ради одного раза вряд ли стоило рисковать карьерой. Тем более что, насколько я понял, ничего глобального и дорогостоящего на этом складе не было. Оставили для «личных нужд», в предвкушении будущих охот-рыбалок? Но после того как этими гранатами убило человека, странно делать военную тайну из факта, что ими собирались глушить рыбу. Несопоставимые немножко провинности. Факты, которые указывают на их вину в смерти рядового, они не отрицают, а признаться, что собирались за государственный счет глушить рыбу, боятся.

– Да, ситуация странная, – согласился Орлов. – Впрочем, я тебе уже с самого начала об этом говорил.

– Я помню. Так как насчет проверки? Если бы «группа поддержки» прибыла сюда уже завтра, я был бы только рад.

– Эх ты, какой быстрый! Хочешь, чтобы по щучьему велению тебе все свершилось?

– Конечно! Иначе зачем бы я стал тебе звонить? – улыбнулся Лев. – Ведь ты у нас почти как та волшебница-щука. Стоит тебе слово сказать, как тут же все и исполняется. Поэтому и обращаюсь в экстренных случаях исключительно к тебе.

– Это ты мне сейчас льстишь, что ли? Пытаешься мотивировать, чтобы я все важные дела бросил и этой твоей проверкой занялся?

– Время дорого, Петр. Ты у нас человек важный, тебе под силу сделать все оперативно. Может, и правда уже завтра получится. А если неделю тянуть, они тут за это время таких сплеток наплетут, что потом за год не распутаешь.

– Ладно, попробую, – недовольно проворчал генерал. – Сроду ты какой-нибудь сюрпризец подкинешь, – и отключился.

А Гуров тут же набрал номер приемной Калачева.

– Ирина Константиновна?

– Да... это я... – прозвучал из трубки слабый голос. Казалось, у бедной секретарши уже не осталось жизненных сил даже на разговор.

– Что там с Дмитрием Ивановичем? – подозревая, что и в этом случае имеет дело с уже знакомым спектаклем, спо-

койно поинтересовался Лев. – Нашли его, наконец?

– Да, он... его нашли, – как-то странно ответила Ирина Константиновна.

– И что же случилось? По какой причине он не явился на службу?

– По какой причине?.. Он... он застрелился.

– Что?!

Новость повергла Гурова в шок, и в первую минуту он даже не нашел что ответить. Но Ирина Константиновна ответа, кажется, и не ждала. Через несколько секунд Лев услышал короткие гудки и понял, что расстроенная женщина считает тему исчерпанной.

Но сам он понимал, что это только начало разговора, поэтому, собравшись с мыслями, набрал номер Панфилова и отдал необходимые распоряжения.

– Артем, здесь у нас ЧП. Нужно срочно выслать опергруппу в адрес Дмитрия Рыбакова. Знаешь, кто это?

– Да, заведующий хранилищами. А что у него случилось?

– Не у него, а с ним. По предварительной информации, он сейчас мертв. Обнаружили его, как я понимаю, дома. По-видимому, там сейчас главное место действия. У тебя есть его адрес?

– Да, конечно. Он живет в частном доме в Сосновке.

– Вот и отлично. Посылай туда людей и, если есть возможность, пришли за мной машину. Я сейчас у командира части.

– Да, конечно. Я могу сам за вами заехать. А откуда ин-

формация, что Рыбаков убит? Это достоверные сведения?

– Более чем. Он сегодня утром не явился на службу. Попытки дозвониться или проникнуть в дом ни к чему не привели. В конце концов послали за женой. Если я правильно понял, она открыла дверь своими ключами, и, войдя в дом, наши посланцы обнаружили тело. Как мне сказали, он застрелился, но эта информация, конечно, нуждается в проверке.

– А жена в это время где была? Куда за ней пришлось посылать? – спросил Артем.

– По-видимому, на работу. Она в магазине работает.

– И о том, что произошло с мужем, она ничего не знала? Получается, он застрелился после ее ухода?

– Не знаю, Артем. Я сам только-только услышал новость. Даже, можно сказать, в себя прийти не успел. У меня с этим Рыбаковым на сегодня очень интересный разговор намечался, а в результате...

– Облом, – логично закончил мысль Панфилов.

– Да уж, вот это облом так облом. Так что давай мы с тобой в напрасных разговорах время терять не будем, а займемся делом. Ты отправляй в адрес людей, а я попробую получить какие-нибудь дополнительные сведения. И жду тебя с машиной.

– Да, конечно. Постараюсь не слишком томить вас в ожидании.

– Постарайся.

Закончив разговор с Артемом, Гуров отправился в приемную командира части.

Атмосфера, царившая там, вполне соответствовала выходящему из ряда вон событию. Ирина Константиновна наливала из чайника воды, чтобы запить таблетку, а из приоткрытой двери в кабинет доносился взволнованный голос Калачева:

– Как лежит? Лицом на столе? То есть не лежит, а сидит? А? Ну да. А пистолет? Табельный? С глушителем? Черт знает, что такое... Да, проходите, пожалуйста. Видите, что у нас тут... – Последние слова Калачев произнес, обратившись к вошедшему в кабинет Гурову.

– Информация с места событий? – спросил тот, кивнув на телефон.

– Да, разговариваю с Алексеем. Хотел пообщаться с Людмилой, но она совершенно не в состоянии.

– Людмила, это супруга? – уточнил Лев.

– Да, жена. Она открыла им дверь и... вот. Представляю, что ей пришлось пережить.

– Получается, утром, когда она уходила на работу, подобное развитие событий нельзя было предугадать?

– А кто его знает, – как-то странно ответил Калачев.

– То есть? – удивленно взглянул на него Гуров. – Они с мужем, я надеюсь, общались. Хотя бы изредка. Люди обычно не решаются на самоубийство ни с того ни с сего, обычно бывает какая-то причина. Близкий человек, как, например,

супруга, на мой взгляд, должен быть в курсе.

– Да, конечно. В каком-то смысле... конечно. Но... у них довольно большой дом, там две половины, которые практически не сообщаются между собой. Людмила могла просто не знать.

– Они жили на разных половинах?

– То есть... иногда, – замялся Калачев. – Дмитрий он... он иногда выпивал... Не то чтобы постоянно, вы не подумайте, он не был запойным пьяницей, – поспешно добавил он. – Таких мы в части не держим. Но временами, при определенных обстоятельствах... случилось. Стресс, неприятности. Мало ли что в жизни бывает. А когда выпьет, Дмитрий, он... сложно с ним бывает. Сказать может что-нибудь неприятное, обидеть. Вот Люда и уходила на другую половину. Пережидала, так сказать, трудные времена.

– Чтобы под горячую руку не попадать? – усмехнулся Лев.

– Можно и так сказать.

– То есть сегодня утром они с мужем не виделись?

– Наверное, нет. Хотя точно я не знаю, это у Алексея нужно спросить. Или у нее самой, когда в себя придет. Если хотите, я могу сказать Алексею, чтобы узнал. Может быть, она уже может говорить, – произнес Калачев, снова поднося к уху телефон.

– Нет, не нужно. Лучше скажите ему, что туда сейчас придет опергруппа и что до прибытия полицейских на месте происшествия нельзя ничего трогать. И уходить никому

нельзя. Пусть майор Стрелков проследит за этим. Под его личную ответственность.

– Хорошо, я передам, – с некоторым удивлением пообещал Калачев. – А откуда вы знаете, что придет опергруппа?

– Потому что я сам отдал такое распоряжение. Думаю, ребята уже выехали, так что долго ждать их не придется.

Как бы в подтверждение этих слов, у полковника зазвонил телефон и, взглянув на высветившийся номер, он понял, что звонит Панфилов.

– Лев Иванович, я возле КПП, – сообщил он.

– Отлично, Артем. Уже иду, – ответил Лев и обратился к Калачеву: – Не забудьте предупредить своих людей. Когда мы приедем, все должны быть на месте.

– Да, разумеется. Я предупрежу, – пообещал командир части вдогонку покидающему кабинет полковнику.

Пройдя через пропускной пункт, Гуров увидел черный «Ниссан», за рулем которого сидел Артем. Открыв дверь, Лев устроился на пассажирском сиденье и кратко скомандовал:

– Едем!

Молодой коллега не стал медлить и тут же завел двигатель.

– Ну и сюрприз, – выруливая на трассу, поделился он своими ощущениями. – Думаете, это самоубийство как-то связано с основным делом?

– Очень вероятно. Конечно, прямых доказательств пока

нет, но очень много косвенных факторов указывает на то, что у командования этой части что называется рыльце в пушку, – с задумчивым видом ответил Гуров.

– Об этом вы и хотели поговорить с Рыбаковым? По телефону вы упоминали про «очень интересный разговор».

– Да, и об этом тоже, – кивнул Лев.

Напоминание о несостоявшейся беседе навело его на довольно интересные размышления. Если предполагаемое самоубийство произошло именно после того, как стало понятно, что показать документы о перемещении боеприпасов все-таки придется, значит, в них действительно содержится информация, способная пролить свет на злоупотребления в части. И значит, злоупотребления эти достаточно серьезны. Из-за пустяков самоубийства не совершают. Следовательно, новое чрезвычайное происшествие еще раз доказывало, что ознакомиться с этими бумагами действительно необходимо. И чем быстрее, тем лучше.

«Хорошо, что я вовремя сориентировал нашего генерала, – подумал Гуров. – Ситуация становится все интереснее, и манипуляции с боеприпасами здесь, похоже, совсем не последний «влияющий фактор».

– Далеко живет Рыбаков? – поинтересовался он у Артема.

– Нет, не очень. Одни из крайних домов. Наверное, специально выбирали поближе к «месту работы».

– А ты откуда так хорошо знаешь? Местный?

– Да нет, сам я из Наро-Фоминска. Просто пытался взять

«интервью» у этого Рыбакова. На работе он все время очень занят, хотел было встретиться с ним дома...

– Но и тут не получилось?

– Угадали, – усмехнулся парень. – Очень подходящая у него фамилия. Как рыба скользкий.

– Да все они тут... не лучше, – с досадой заметил Гуров, вспомнив свои бессодержательные беседы с командиром части и его навязчивого «вассала» Стрелкова. – А тебе вообще хоть с кем-то из командования удалось побеседовать?

– Официально – нет. На протокол никто говорить не хочет. Да и без протокола не особенно радовали коммуникабельностью. Разве что ребята-срочники. Те хоть в виде полупонамека давали понять. По крайней мере, появилось понимание ситуации. А то чувствуешь себя как в вакууме, не представляешь, откуда что взялось.

– Ничего, думаю, теперь мы их разговорим, – обнадежил Лев. – Теперь это не солдатик, до которого им и дела нет, теперь у них свой застрелился. Этот случай на фермера свалить уже не удастся.

Тем временем Артем по трассе объехал военную часть и, свернув на прилегающую дорогу, вскоре уже въезжал в деревню Сосновку.

Деревенька, по всей видимости, была небогатая. Большинство домиков, стоявших по сторонам широкой улицы, были одноэтажными, самой незатейливой архитектуры. Лишь вдалеке виднелись крыши нескольких современных

многоуровневых коттеджей, нарушающие эту похвальную равномерность.

Дом Рыбакова представлял собой нечто среднее между этими двумя вариантами. Он был одноэтажным, но вполне добротным и, по-видимому, не так уж давно построенным. Длинное кирпичное строение тянулось почти на всю ширину участка, а поскольку от улицы участок отделяла изгородь из профлиста, выходило, что несколько окон дома смотрели на глухую стену.

Возле этой изгороди стояли два полицейских автомобиля, калитка была открыта. В тот момент, когда Артем притормозил возле дома, со двора вышел мужчина в полицейской форме. По-видимому, он собирался пройти к одной из стоящих машин, но, увидев, что подъехала еще одна, направился к ней.

– Здорово, Артем, – дружески обратился он к Панфилову. – Ну и подкинул ты нам работенку!

– А что, какие-то проблемы? – насторожился Артем.

– Да весь этот случай целиком – одна сплошная проблема. Никто ничего не слышал, никто ничего не знает. Даже жена не в курсе. Как будто в вакууме человек застрелился. Да и застрелился как-то... странно.

– В каком смысле, странно? – вступил в разговор Гуров.

– А вы, собственно...

Неприятно и отчужденно взглянув на полковника, мужчина в полицейской форме, видимо, хотел сказать что-

то вроде: «А ты, собственно, кто такой?», но Артем не дал ему совершить эту роковую ошибку, поспешно перебив:

– Это из Главка, по поводу взрывов. Помнишь, я говорил тебе?

Многозначительный «внушающий» взгляд и недвусмысленный намек сразу отбили у не в меру любопытного полицейского желание задавать вопросы и умерили его пыл.

– А... значит, из Главка, – обескураженно промямлил он.

– Да, из Главка, – подтвердил Лев. – Что там по поводу самоубийства? Чем оно странно?

– Чем странно? Ну как сказать... Да вы сами можете посмотреть. У него положение какое-то... странное.

Поняв, что парень, смущенный своей оплошностью, окончательно растерялся и толку от него не добиться, Гуров решил, что медлить не стоит, а лучше последовать совету и взглянуть на упомянутое «странное положение» самостоятельно.

Выйдя из машины, он прошел в дом и оказался в коридоре, разделявшем дом на две половины. Уже здесь было понятно, что эти жилые части полностью автономны, и тот, кто находится в одной из них, не может контролировать то, что происходит в другой.

Поразмыслив, какая половина дома была «мужской», а какая «женской», Лев повернул направо. Открыв дверь, ведущую из коридора, он услышал голоса и шаги и понял, что угадал. Если именно на этой половине работают оператив-

ники, значит, здесь все и произошло.

Пройдя первую комнату, где не было ничего, кроме мебели и телевизора, он перешел во вторую. Там в кресле перед журнальным столиком сидел полицейский в форме, а напротив него, неловко прикорнув на краешке дивана, устроились мужчина и женщина, по-видимому, супруги.

– Сергушина Наталья Ивановна, – медленно, чтобы полицейский успевал записывать, диктовала женщина.

– Гуров Лев Иванович, – в тон ей проговорил полковник в ответ на вопросительный взгляд полицейского, оторвавшегося от заполнения протокола. – Оперуполномоченный, Главное управление.

Он поднес к лицу коллеги удостоверение и, дождавшись, когда тот прочитает, что там написано, поинтересовался:

– Где труп?

– А? Труп? – рассеянно переспросил полицейский, кажется, не сразу сообразив, с кем имеет дело. – В смысле... то есть... да, конечно. Он там, в той комнате. Как выйдете отсюда, по коридору налево.

– Благодарю.

Гуров направился к следующей двери, чуть заметно усмехаясь и думая, что на местных представителей правопорядка его появление действует так же, как появление удава на кролика. Впрочем, размышлять на посторонние темы было уже некогда. С правой стороны небольшого коридорчика, в котором он оказался, находилось окно, а слева – открытая дверь

еще в одну комнату. Оттуда доносились негромкие краткие реплики, по которым было ясно, что там работают эксперты.

Глава 5

– ...пистолет Макарова... в правой руке. На расстоянии... расстоянии... ну, в общем, запиши, что рука с пистолетом лежит на столе, а кисть находится на расстоянии тридцати пяти сантиметров от головы. Учитывая наклон корпуса, это может говорить о том... Вам кого? – Последние слова высокий худой мужчина в штатском, очень молодой с виду, произнес, обращаясь к Гурову.

– Мне его, – кивнул в сторону трупа Лев.

Представившись и показав удостоверение, он снял все недоразумения и, предоставив экспертам делать свою работу, занялся осмотром комнаты.

Это было небольшое помещение с окном, выходящим во двор. У окна, тесно прижатый к подоконнику, стоял письменный стол, слева, возле стены находилась широкая кровать, справа, возле другой стены стояли шкаф, телевизор и два стула.

На третьем стуле сидел за столом человек, голова и верхняя часть туловища которого безвольно лежали на столешнице. Человек был одет в спортивные брюки и майку. Левая рука свисала вниз, правая, согласно замечанию эксперта, лежала на столе. В руке был пистолет, а на правом виске головы, находившейся от этой руки в тридцати пяти сантиметрах, темнело входное отверстие от пули.

Неподвижные, уже начинающие костенеть пальцы неплотно сжимали оружие, но указательный так и остался на спусковом крючке, навечно зафиксировав свое последнее роковое движение.

В целом, картина представлялась довольно ясной. По-видимому, незадолго перед смертью Рыбаков размышлял о случившемся, а возможно, уже обдумывал свой последний шаг. Тот факт, что он застрелился, именно сидя за столом, можно было объяснить, например, желанием написать предсмертную записку или в последний раз полюбоваться на родной двор. Ведь стол стоял прямо перед окном.

Все выглядело довольно естественно, и поначалу Гуров не понимал, что именно показалось странным полицейскому, с которым он встретился, прибыв сюда. Но, взглядевшись внимательнее в положение трупa, он и сам заметил некоторые несоответствия.

Стул, на котором сидел Рыбаков, стоял очень близко, между корпусом и столом фактически не было зазора. Создавалось впечатление, что спинка стула прижимает тело к краю стола. В сочетании с таким положением туловища положение рук выглядело довольно неестественно и вызывало вопросы. Если человек сидит близко к столу, к тому же собирается что-то писать, то, как правило, обе его руки находятся на столе. И если уж после выстрела даже рука, державшая пистолет, осталась там же, то свободная левая рука тоже должна была сейчас лежать на столешнице. Тот факт, что

она висела вдоль тела, трудно было логически объяснить.

«Может быть, он сам опустил ее перед выстрелом? – снова и снова внимательно осматривая тело, размышлял Лев. – Может, так ему было удобнее? Но если бы перед самоубийством он сидел, свесив левую руку, то, учитывая такую тесноту пространства, это дало бы разворот корпуса, и тело сейчас лежало бы с некоторым наклоном влево. А оно лежит совершенно прямо, и рука с пистолетом находится гораздо дальше, чем находилась бы при развороте корпуса».

Этот факт действительно выглядел довольно странно и навел на разные дополнительные размышления.

Кроме того, ощущая сильный запах алкогольного перегара, казалось, насквозь пропитавший комнату, Гуров нигде не находил ни бутылок, ни закуски, которые свидетельствовали бы о «празднике». Еще раз окинув комнату взглядом, он вдруг поймал себя на мысли, что само по себе помещение, прибранное и довольно аккуратное, как-то совсем не сочетается с тезисом о роковой ошибке, совершенной в пылу алкогольной истерики. Разве что неопрятная кровать с измятыми и лежавшими как попало простынями и подушками вписывалась в эту схему. Все же остальное являло собой довольно заметное противоречие.

– Я так понял, наш товарищ на момент смерти находился в изрядном подпитии? – обратился он к художавому эксперту.

– Да, если бы был за рулем, права бы точно отняли, – усмехнулся тот.

– А где же это он так нализался? Тут вроде все чисто.

– Ресторан у них в соседней комнате, – улыбаясь, пояснил эксперт. – Здесь дальше по коридору выход на террасу, что-то вроде летней веранды. И там же кухонька пристроена. Вот там весь арсенал. И бутылки, и закуски, целая батарея выстроена.

– Вот оно что. Но сводить счета с жизнью он именно сюда пришел. Не захотел среди бардака совершать это важное дело?

– Наверное. Или среди бардака не захотел, или в присутствии свидетелей. Вчера вечером, как я понял, к нему сюда какой-то друг приходил. Похоже, вместе праздновали.

– Что за друг? – сразу насторожился Лев.

– Да не знаю я. Это вон у ребят надо спросить, которые допросы ведут. У меня специализация узкая, я в эти дела не лезу. Вроде бы жена его что-то упоминала про друга. Хотя она сейчас в таком состоянии... Могла и напутать.

– А где она, кстати? Что-то ее не видно. И остальных, – добавил Гуров, вспомнив, что в доме должен был находиться Стрелков, которого командир части послал «на разведку».

– Они в другой половине. И жена, и соседей еще вызвали. Там у нас ребята допросы ведут. А здесь только мы и понятия.

– Понятно, – кивнул Лев, вспомнив семейную пару в соседней комнате. – Когда будет готово заключение по трупу?

– Не знаю... – как-то призадумался эксперт. – Вообще-то,

работа здесь есть...

– Но и время у вас есть. До завтра справитесь? Дело не терпит отлагательства.

– До завтра?.. – снова медлил с ответом высокий парень. – Не знаю... Как думаешь, Леня? – обратился он к своему товарищу, пристроившемуся за тем же письменным столом, где сидел сейчас Рыбаков, и заполнявшему бумаги.

– Попробовать можно, – подумав, ответил тот. – Но тогда все текущее отложить придется.

– Значит, нужно будет отложить, Леня, – твердо произнес Гуров. – Сейчас это самоубийство – главный вопрос повестки дня.

– Понял, – открыто улыбнулся Леня. – Значит, постараемся справиться до завтра.

– Постарайтесь, ребята. Кстати, предсмертная записка была?

– Нет, не было, – ответил высокий.

– Интересно... Тогда почему же он решил покончить с собой именно за столом? Судя по тому, что постель разобрана, он уже собирался ложиться спать. А может, даже уже спал. Выспался, потом встал с кровати, сел за стол и застрелился? Очень интересно.

– Может быть, он спал раньше, еще до того, как приходил этот друг, и они надрались в стельку? – предположил Леня.

– Может быть. Нужно знать время смерти. Поторопитесь, ребята, сами видите, дело не терпит отлагательств.

Вновь получив твердое обещание «постараться», Гуров вышел из комнаты. Он намеревался осмотреть террасу, где, по утверждению художественного эксперта, «праздновали» вчера вечером Рыбаков и его неизвестный друг.

Дверь из коридорчика с окном вела в небольшое помещение вроде сеней, откуда имелся выход на улицу, а также еще одна дверь, ведущая на ту самую террасу. Она оказалась довольно просторной, с четырьмя большими оконными проемами. Застеклен был только один из них, в остальные три свободно проникал свежий воздух.

На веранде стоял стол, а на столе расположился действительно целый арсенал всевозможных бутылок, стаканов и тарелок с закусками. Судя по неопрятному виду, «праздник» здесь начался задолго до вчерашнего вечера.

С веранды можно было попасть во внутреннее помещение, где располагалась кухня. Дверь была открыта, и, заглянув в нее, Лев увидел газовую плиту и прочие необходимые хозяйственные атрибуты. Все это тоже выглядело довольно непрезентабельно и наводило на мысль, что супруга Рыбакова заглядывает сюда нечасто.

Отсеком с кухней и верандой дом заканчивался, и Гуров вышел на улицу, чтобы осмотреться во дворе.

С первого взгляда было понятно, что обитатели дома не были занятыми садоводами. Участок зарос травой, и неухоженные деревья представляли собой непроходимые джунгли, совершенно закрывавшие перспективный обзор.

Территория возле самого дома тоже не поражала образцовым порядком. Единственным более-менее «обжитым» местом была небольшая площадка для барбекю, но и она содержалась в чистоте, очевидно, лишь потому, что из-за разбросанных как попало предметов мог возникнуть пожар. Территория вокруг мангала была очищена от всего лишнего, и это создавало иллюзию ухоженности.

Перспектива углубиться в непроходимые заросли плодовых деревьев и кустарника у любого вызывала бы отторжение, но отважный полковник смело ринулся в самую гущу. Когда он дошел до противоположной границы участка, то обнаружил, что за изгородью располагается не соседний дом, как он предполагал, а пустырь. Глубокий овраг, давно превращенный жителями Сосновки в мусорную свалку, делал невозможным строительство, и ряд домов, выходящих на противоположную улицу, начинался несколько дальше.

Установив, что при желании пробраться в дом Рыбаковых совсем нетрудно, Гуров вернулся к строению. Обойдя его по периметру, снова вошел в «парадную» дверь, но в этот раз повернул уже не налево, а направо.

На половине жены было гораздо шумнее и оживленнее, чем в унылом обиталище мужа. Расположение комнат там было таким же и в каждой из них шла оживленная беседа.

– О! Лев Иванович! А я уже вас потерял, – проговорил Артем, неожиданно, как лист перед травой, возникший перед Гуровым.

– Не волнуйся за меня, – усмехнулся тот, – я уже большой мальчик. Что здесь? Все на месте? С тех, кто обнаружил труп, сняли показания?

– Да, майора и водителя, который его привез, сейчас допрашивают, жену пытаемся привести в чувство. У нее была настоящая истерика, не знаю, можно ли вообще будет сегодня с ней поговорить.

– Она заходила в ту комнату?

– Как я понял, да. Зрелище, конечно, удручающее.

– А остальные что говорят? Стрелков и этот водитель. Как его нашли?

– Да очень просто. Заехали за женой, она открыла дверь, прошли на мужнюю половину. Ну и... обнаружили.

– Что-то примечательное было?

– Да нет, кажется, ничего. Рыбаков лежал на столе с пистолетом в руке, работал телевизор. Им жена по дороге рассказывала, что он обыкновенно «под аккомпанемент» напиивался, в тишине ему скучно было.

– А что насчет приятеля? Эксперты сказали, что вечером к нему какой-то друг приходил.

– Да, прапорщик, дружан его закадычный. Они частенько вместе гудели. Это тоже жена по дороге рассказала. В общем-то, этот с ней разговор и дал основные сведения о ситуации. Подробности узнать уже не удалось.

– Истерика? – с пониманием спросил Гуров.

– Она самая.

– Но, по крайней мере, как зовут друга, она успела сказать?

– Да. Виктором зовут. Виктор Зыбин.

Услышав это имя, Гуров сразу же вспомнил разговор в кафе, подслушанный накануне вечером. Сообщая пузатому мужику, что Рыбаков держится только на коньяке, бармен сказал, что эти ценные сведения сообщил ему некий Витек. И теперь, узнав, что близкого друга и постоянного собутыльника Рыбакова зовут Виктор, Лев сделал соответствующие выводы.

«Не иначе, Витек – тот самый, – думал он. – Днем в кафешку наведалься последние новости обсудить, ну а уж вечером с самим «первоисточником» решил вплотную пообщаться. Надо будет этого Витька как следует проработать. Когда проспится, конечно. Наверняка он знает не только о склонности Рыбакова к выпивке, но и о некоторых других вредных привычках. Таких, например, как несанкционированная задержка на складах списанных боеприпасов».

Лев был уверен, что Виктор Зыбин сейчас так же непригоден для допроса, как и жена Рыбакова, пускай и по другой причине. Но тем не менее он посчитал нелишним уточнить этот вопрос.

– Его вызвали, этого закадычного дружана? – спросил он у Артема.

– Попытались, – ответил тот. – Но безуспешно. Правда, его состояние все-таки лучше, чем у Рыбакова, он, к счастью,

пока еще на этом свете. Но – и только. В плане адекватности и способности к внятному разговору, они с другом практически идентичны.

– То есть получается, нам сейчас и опросить некого, – заметил Гуров. – Жена в истерике, друг в неадеквате. А больше, если я правильно понял, вчерашней ночью никого здесь не было.

– Получается так. Ребята сейчас заканчивают с военными да соседей еще позвали. Тут у них по бокам пенсионеры живут. Деды с бабками. Они, похоже, знают не много, но на безрыбье, как говорится...

– Да, на безрыбье сгодятся и пенсионеры.

В этот момент из соседней комнаты вышел тот самый парень, который в момент прибытия так невежливо повел себя с Гуровым.

– Артем, там жена вроде очухалась. Если хочешь сам поговорить с ней, то... – В этот момент он увидел полковника и осекся.

– Значит, очухалась? – улыбнулся Лев. – Вот и прекрасно. У Артема, я думаю, и другие дела найдутся, а с супругой я сам побеседую. Где она сейчас?

– Она? Она там... в той комнате, – сконфуженно и невнятно забормотал бедолага, от волнения запутавшийся с координатами.

– Проводите меня? – пришел на выручку Гуров.

– Да, конечно.

Следуя за своим провожатым, Гуров прошел еще одну комнату, где ожидали допроса две пожилые семейные пары и мужчина средних лет, потом миновал знакомый коридорчик с окном, где из-за закрытой двери доносился бодрый голос Стрелкова, и, наконец, достиг террасы, точно такой же, какая была на противоположной половине дома.

Здесь было прибрано, на столе не громоздились бутылки и грязная посуда, а возле открытого оконного проема стояло старинное деревянное кресло, в котором сидела средних лет женщина с заплаканными глазами и несчастным лицом.

– Людмила Николаевна, – осторожно и вполголоса, словно боясь разбудить кого-то, проговорил сопровождавший Гурова полицейский. – Вот... оперуполномоченный из Главного управления. Он задаст вам несколько вопросов. Вы сможете поговорить с ним?

– Да, я... смогу, – шмыгнув носом, ответила женщина.

– Присаживайтесь, Лев Иванович.

Взяв один из стульев, стоявших на веранде, полицейский поставил его напротив сидящей женщины. После этого, по-видимому, решив, что сделал все для того, чтобы загладить перед полковником свою предыдущую оплошность, он удалился.

– Я приношу свои соболезнования, понимаю, что сейчас вам трудно говорить, – осторожно начал Гуров. – Но, наверное, все мы заинтересованы в том, чтобы как можно быстрее разобраться во всех обстоятельствах этого трагическо-

го случая и выяснить причину произошедшего. Если я правильно понял, для вас все это тоже явилось полной неожиданностью?

– Еще какой! Еще какой неожиданностью, – произнесла Людмила, утирая слезы. – Я даже предположить не могла... Не представляю, что могло его так... или допился просто уже «до ручки». Не представляю...

– То есть в последнее время не происходило ничего такого, что могло бы стать причиной трагедии? Каких-то особенных неприятностей, ссор, скандалов? Чего-то необычного, что могло бы спровоцировать подобную реакцию? Вы ничего такого не припоминаете?

– Нет, ничего, – немного подумав, ответила Людмила. – Неприятности, они всегда бывают. Такая жизнь. Если из-за каждой неприятности... это тогда... тогда уж всем сразу надо... на тот свет. Нет, особенного ничего не было. Конечно, случай этот... с пожаром. Это, конечно, была неприятность. Опять пить начал. Который вечер уже, как ни приду с работы, все или с Витьком этим своим сидит, или один напивается. Телевизор орет, оглохнуть можно, а ему хоть бы что. Бельма выкатит и вперед.

– То есть неприятности ваш супруг предпочитал, как говорится, «запивать»?

– Еще как предпочитал. Все нервы мне истрепал с этими «запиваниями» своими.

– В такие моменты вы уходили в другую половину дома?

– А что ж мне, сидеть любоваться на его пьяную рожу, что ли?

Эти слова Людмила произнесла с раздражением, казалось, даже позабыв, что минуту назад горько оплакивала смерть мужа. По-видимому, бесконечное пьянство и впрямь не на шутку «достало» ее, и даже безвременная кончина одержимого вредной привычкой супруга не могла унять досаду от его прижизненных выходок.

– Вы не могли бы припомнить события вчерашнего вечера? – сказал Гуров, чтобы сменить неприятную тему. – Расскажите по порядку, что происходило после того, как вы вернулись с работы.

– А что происходило? Ничего особенного не происходило. Пришла, как обычно, в девятом часу. Я поздно заканчиваю. Пока с выручкой разберешься, пока с товаром. И так устаешь, как собака, а тут еще этот... В общем, пришла, слышу – телевизор орет. Ну, думаю, все понятно. Опять загудел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.